

мегаполис как объект

16

ПРОШЛОЕ

НАСТОЯЩЕЕ

БУДУЩЕЕ

ДОМ

22 **Б**
экспозиция
КОЛОННЫ И ПИЛЯСТРЫ

36 **Б**
домашняя обстановка
ИНТЕРЬЕРНАЯ
ЛИТЕРАТУРЩИНА

48 **Б**
дом под снос
СЛУЧАЙ «ВОЕНТОРГА»

56 **Б**
ДЕТАЛЬ

2 **А**
дискуссия
ИМПЕРИЯ ПОЛУЧИЛА
БОЛЬШОЙ

50 **Б**
жизнь в памятнике
ГНЕЗДО АРХИТЕКТОРОВ

38 **Б**
опрос
ЧТО СНЕСТИ
В МОСКВЕ?

40 **Б**
опрос
ЕСЛИ БЫ ВЫ
ФОРМИРОВАЛИ
ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПАРК
«МАЛЕНЬКАЯ МОСКВА»,
ЧТО БЫ ВЫ В НЕГО
ВКЛЮЧИЛИ?

УЛИЦА

46 **Б**
минувшее
РЕЧКА-НЕВИДИМКА

12 **Б**
городская среда
ВНУКИ АРБАТА

42 **Б**
маршрут с историей
БОЛЬШАЯ НИКИТСКАЯ.
СПИНОЙ К КРЕМЛЮ

ГОРОД

54 **Б**
москвоведение
ВЫХОД В ГОРОД

57 **А**
официальный взгляд
МОСГОРНАСЛЕДИЕ
СДЕЛАЕТ МОСКВУ
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫМ
МЕСТОМ

6 **А**
мнение эксперта
ПРЕДМЕТ ОХРАНЫ —
ОБОЮДООСТРОЕ ОРУЖИЕ

10 **Б**
от первого лица
НЕЛЬЗЯ ЛЮБИТЬ ТО,
С ЧЕМ НЕ ЗНАКОМ

МИР

60 **А**
опыты
ПАТИНА, ИЛИ ФОРМА
ВРЕМЕНИ

18 **Б**
НОВОСТИ

20 **Б**
приспособление
СНОСИТЬ НЕЛЬЗЯ!
ИСПОЛЬЗОВАТЬ

32 **Б**
ткань города
ГОРОДСКИЕ ПРОГУЛКИ
ПОД ДЕРЕВЬЯМИ

империя получила Большой

автор вступительного текста

ЕГОР ЛАРИЧЕВ

Балетный репетиционный зал — самый большой в Европе, высота помещения — 7,5 м, площадь — 484 кв. м

Общий объем заливки новой гидравлической системы Большого театра составляет 50 тонн масла. Крупнейшая в Европе гидравлическая станция Большого установлена под сценой на глубине 20 м

Пожаробезопасный занавес весит 300 т

Количество мест в главном зале Большого театра уменьшилось с советских 2100 до прежних 1740

На одну только главную люстру пошло 300 г сусального золота 960-й пробы: оно выпускается в виде квадратных листов со стороной в 91,5 мм и миниатюрной толщиной от 0,13 до 0,67 микрона и стоит более 3000 рублей за грамм

Первый театр в начале улицы Петровки построил в 1780 году театральный антрепренер Михаил Егорович Медокс — английский инженер и фокусник, ранее преподававший наследнику Павлу физику и математику. Большой дом на правом берегу Неглинки, спроектированный Христианом Ивановичем Розбергом, архитектором при полицейском ведомстве Москвы, мало отличался от окружающей застройки и был предназначен для театральных и прочих увеселений. В публичном Петровском театре Медокса за 14 лет было поставлено 425 оперных и балетных спектаклей.

В 1794 году нелады с новым градоначальником Александром Александровичем Прозоровским и финансовые затруднения заставили Медокса передать здание в казну. Театр стал Императорским. Есть сведения, подтвержденные парой чертежей, что фасады его должен был переделать великий Джакомо Кваренги, но в 1805 году театр сгорел, и восьмиколонный портик навсегда остался на бумаге. Обгоревшие стены так и стояли на Петровке до пожара 1812 года.

Послевоенное восстановление Москвы навсегда изменило роль Большого театра. Главный архитектор «фасадической части» Осип Бове, чей генеральный план реконструкции столицы был утвержден в 1817 году, спланировал перед Большим Петровским театром прямоугольную парадную площадь, ныне Театральную (тогда же Неглинку спрятали под землю — см. стр. 46–47: «Речка-невидимка»). Сам театр должен был стать идейным и композиционным центром ампирного города-храма, восславляющего победоносную Империю. Строгая прямоугольная площадь перед ним создавала дистанцию, от которой у публики перехватывало дух.

В 1820 году Осип Бове и Джузеппе Лампони представили новому генерал-губернатору Москвы Дмитрию Владимировичу Голицыну проекты Большого Петровского театра, тот переправил их в Петербург, в Академию художеств. Но там был организован свой внутренний архитектурный конкурс. Из трех проектов-победителей, полученных в Москве, Голицын выбрал работу Алексея Михайлова-второго: она была больше всех похожа на проект Бове. Строительство и поручили Осипу Бове. Он слегка приплюснул возвышенный объем петербуржца, привел его в соответствие с площадью и развернул квадригу Аполлона на зрителей. В январе 1825 года новый Большой театр, доминанта ампирной площади, главное украшение послепожарного фасада Москвы, был открыт.

В марте 1853 года театр сгорел. Устояли только колонны портика и внешние стены коробки.

Николай I — приверженец эклектики — не захотел восстанавливать театр в прежних формах. Был организован конкурс, в котором участвовали любимый архитектор императора Константин Тон и два театральных специалиста — петербуржец Альберт Кавос и москвич Александр Матвеев. Победил Кавос, тогда главный архитектор Императорских театров.

В рекордные сроки — к 26 августа 1856, коронации Александра II в кремлевском Успенском соборе — театр — такой, каким мы теперь его видим, — был открыт. А музыкальному слуху сына композитора Катарина Кавоса мы обязаны великолепной акустикой Большого театра, теперь восстановленной.

Эклектика — стиль открытый и упоительный, чтобы воспринять его притягательность не нужно читать Эсхила или Корнеля. В советское время Большой театр укрепил статус одного из символов государства. Неудивительно, что в 1990-е годы он поразительно обветшал.

В 1999 году тендер на реконструкцию театра выиграли московские архитекторы Михаил Хазанов и Михаил Белов. В 2003 году их проекты были показаны в экспозиции российского павильона Венецианской архитектурной биеннале. Оба архитектора предлагали некоторую переделку театра средствами современной архитектуры, что позволило бы ему модернизироваться, стать мировым оперным и балетным центром. Но Министерство культуры решило пойти по более консервативному пути реставрации.

Значит ли властная инаугурация театра (неофициальная цена билетов на которую варьировалась от 100 тысяч рублей до бесконечности), что Россия снова стала империей? Наверное, нет. Пока она только примеривается к новому дому и пробует голос. Акустика здесь великолепная.

Юрий Пальмин, *архитектурный фотограф*

Мне и раньше он не нравился. Сейчас я честно провел в Большом театре большую фотосессию и честно могу сказать — не впечатляет. Как был плоховатый классицизм — так и остался. Прививки современности не произошло и международным архитектурным событием эта реконструкция точно не станет. В любом случае, открытие главной оперной сцены страны — событие государственное. Поэтому лучше держаться от него подальше или попросту не замечать.

Анатолий Иксанов, *генеральный директор Большого театра*

Я счастлив, что мы возвращаемся в обновленный и возрожденный Большой театр. Его историческое здание воспряло как феникс. Сегодня мы обладаем зданием, во-первых, как памятником архитектуры и национальным наследием. Реставраторы сохранили нам чудо архитектуры. Во-вторых, конечно, мы получили уникальное театральное оборудование. Но что самое главное для нас — восстановлена уникальная акустика зрительного зала. Сейчас мы ее вернули на радость зрителям и, что еще более важно, мы ее вернули нашим певцам, которые порой вынуждены были форсировать голос, чтобы перекрыть погрешности зала. Сегодня мы фактически возрождаем русскую оперу в том виде, в котором она звучала раньше и в котором она должна звучать и восстанавливаться.

Семен Михайловский, *ректор Санкт-Петербургской академии художеств*

Работа такого масштаба — всегда большой проект со всеми своими обстоятельствами внутрицеховой жизни. Были одни архитекторы, стали другие. Возможно, предыдущие не смогли найти правильный алгоритм решения поставленной задачи. Но это частность, намного важнее — чтобы театр жил. И тогда мы будем следить за его историей — как за Ла Скала и Ла Фениче.

Катерина Новикова, *пресс-секретарь Большого театра*

В здании театра сохранился его первоначальный дух. Наш творческий дом сохранен не только для нас и нашей труппы, но и для русской мировой культуры.

В театре создана вторая накатная балетная сцена. Это очень важно для работы репертуарного театра, когда в одну неделю могут ставиться самые разные спектакли. Специальный балетный пол уменьшит количество травм и облегчит работу коллектива.

Евгений Корнеев, *дизайнер книги «Большой», посвященной открытию театра*

В Большом театре мне больше всего нравятся колонны, у них настоящему имперский масштаб. Внутренний дизайн — очень пестрый, на купеческий вкус. Черда залов — перебор стилей, лишенный единства и чистоты. Но здесь чувствуется большая сценическая история. Меня потрясла машинерия, уходящая как под землю, так и ввысь.

Уничтожение сохранившегося в недрах театра фасада Бове — преступление. Могли бы вывезти его и хоть в чистом поле поставить — он был прекрасен. А репетиционный зал под фонтаном — сомнительная техническая диковина, заменившая необходимую в этом месте города парковку.

АЛЕКСЕЙ ПАРИН, театровед, поэт, либреттист

Вопрос, был ли БОЛЬШОЙ ТЕАТР в целом когда-либо важным для самоощущения российского культурного пространства, для меня остается открытым. Отдельные события на его сцене — конечно, да, но в целом? Смогут ли сегодняшний Большой театр блистать не только своей феноменальной архитектурой, но участвовать в формировании самоощущений свободного демократично мыслящего человека, не знаю. Маловероятно.

МИХАИЛ ШВЫДКОЙ, официальный представитель президента России по вопросам международного культурного сотрудничества

Я думаю, при реконструкции соблюден баланс разумных интересов ревнителей традиционного подхода и сторонников модернизации.

Большого был технологически архаичен. Отсюда 45-минутные антракты и склад жестких декораций в соседнем переулке. В отличие от лондонского Ковент-Гардена, который развился на целый квартал, Большой не мог расти вширь — охранные нормы требовали сохранения исторического объема здания. Михаил Хазанов со товарищи предложили театру расти вглубь и, я считаю, эта идеология в реализованном проекте достаточно сохранилась. Реконструкция потребовала исключительных усилий и сделала проект беспрецедентным в мировой строительной практике. С точки зрения технологии Большой сегодня — самый современный театр в мире. При реконструкции пытались соблюсти все принципы охраны памятников. Для сегодняшнего русского сознания такой компромиссный подход, кажется, имеет смысл.

НИКОЛАЙ МАЛИНИН, архитектурный критик

Мой интерес к реконструкции Большого театра кончился после Венецианской биеннале, когда из процесса выпали Хазанов и Белов.

НИКОЛАЙ ЦИСКАРИДЗЕ, солист балета Большого театра

У меня нет никаких претензий к тем людям, которые в 2009 году подхватили это безобразие, когда все действительно катилось в пропасть, и которые построили. Потому что на самом деле они пришли, когда бюджет весь исчез, когда Счетная палата кричала «караул», когда заведились уголовные дела. Эти люди, спасибо им, они взяли и это завершили. Я хочу обратить внимание общественности, что люди, которые подписали этот проект, при которых демонтировалось все это великолепие, нанесли колоссальный ущерб не только мне, ваши дети уже никогда не увидят настоящее историческое здание, которым восхищался больше 150 лет весь мир. Вот и все. (Из интервью телеканалу «Дождь».)

НИКОЛАЙ ПЕРЕСЛЕГИН, советник руководителя департамента культурного наследия Москвы

Я очень рад, что Большой театр открылся. Сам проект этого театра почти стал театром. Это интересный прецедент.

предмет охраны — обоюдоострое оружие

о состоянии дел в области охраны памятников, о процедурах, которые должны способствовать реставрации замечательных архитектурных сооружений Москвы и о сложностях экспертизы рассказал **Андрей Баталов** корреспонденту **Людмиле Петуховой**

Мария Арендт

Тыльный фасад *Московского академического музыкального театра им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко*: печальное последствие неудачного описания предмета охраны

ДКН

Палаты Волковых в Большом Харитоньевском переулке:
здесь охраняется все

Мария Арендт

Петровский бульвар, внешняя сторона: фасад сохранен, но памятник это не спасло

АНДРЕЙ БАТАЛОВ
профессор, доктор искус-
ствоведения и заместитель
генерального директора
Музеев Московского Кремля

ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ
ОБСУЖДЕНИИ

Создание комиссий, коллективное обсуждение, сам принцип устройства научных археологических обществ взят Россией в XIX веке с западных образцов. Но то, что уже, может быть, давно умерло на Западе — вследствие модернизации, упрощения, — у нас до последнего времени сохранялось. Мы абсолютно в другой ситуации. У нас прежде всего другая ментальность. Должно быть коллективное обсуждение. Экспертиза, конечно, — прекрасный замысел, но заключение трех или даже пяти-шести специалистов не должно исключать общественного обсуждения

— Андрей Леонидович, что изменилось с тех пор как был поставлен вопрос о предмете охраны? Как продвинулось решение этой проблемы? Главное то, что методика определения предмета охраны утверждена Мосгорнаследием и вывешена на сайте. Сделан революционный шаг: необходимость определения предмета охраны записана у нас законодательно, но на практике никто не знает, как это делается. В разных регионах России осознают предмет охраны по-разному и часто — так, как это делали в Москве еще до образования нашей комиссии, которую создал Шевчук. То есть предмет охраны можно свести или к одной стене, или к границе, или к красной линии улицы — ко всем тем «изыскам», которые ведут к внешне законному сносу здания.

Теперь, когда звонят люди из разных субъектов федерации, я их торжественно отправляю на сайт Мосгорнаследия. Потом они звонят и благодарят. У нас были сомнения, смогут ли в разных регионах, где нет таких высококвалифицированных специалистов, как в Москве, работать по этой методике. Оказалось — могут. По крайней мере, уже с лета ею руководствуется московское областное министерство, в котором есть комиссия по определению предмета охраны. Они продолжают наше дело, и нужно сказать, что именно там я впервые увидел, как быстро архитекторы схватывают положения этой методики и как быстро перенимают наш опыт — а он за время работы комиссии накопился немалый.

Важно понимать, что методика — это не матрица, которую можно применить абсолютно ко всем зданиям. Разобраться с предметом охраны бывает очень сложно.

Еще что важно: комиссия опробовала себя в утверждении предмета охраны достопримечательного места. Мы определяли, например, предмет охраны такого уникального района Москвы, как Ивановская горка — горы, которая поднимается над Солянкой и идет до церкви Троицы в Хохлах. Каким-то образом советская власть не обратила на него особого внимания, и район остался цел. Желая его сохранить, Мосгорнаследие пошло на определение этого участка как достопримечательного места, что должно спасти историческую среду этой части города. Важный прецедент!

— Методика позволяет свести на нет субъективизм эксперта в определении предмета охраны? Эксперт лишь предлагает предмет охраны. А методика определяет только методологическую направленность. Предположим, к примеру, что есть жилой дом середины XIX века. Сначала это был главный дом усадьбы конца XVIII века, его перестроили после пожара 1812 года, затем еще были какие-то перестройки в середине XIX столетия, а в 20-е или 30-е годы XX века ее надстроили двумя этажами. Если эти надстройки имеют самостоятельное художественное значение, мы всегда здание целиком вносим в предмет охраны, хотя в реестр оно поставлено как усадебный дом XVIII—XIX веков. Потому что должно пройти время, пока рука зодчего-реставратора коснется этого дома и предложит реставрацию на оптимальный облик. Тогда уже отдельно будет рассматриваться вопрос: можно снести эту надстроенную часть здания или нет. Предмет охраны не подгоняется под будущий проект реставрации. Но понятие «предмет охраны» может как навредить памятнику, так и принести ему пользу.

— А как предмет охраны может навредить памятнику? Возьмем все ту же усадьбу. Мы определили для него архитектурно-художественное и композиционное решение фасадов, сложившихся к середине XIX века. Но в ходе реставрационных работ вдруг выясняется, что одна из стен дома сохранила в срубленном виде декор палаты XVII века, и элементарно по «хвостам» в кладке его можно восстановить. Необходима корреляция предмета охраны. К нам возвращаются бумаги, мы снова собираем совет, принимаем решение. Все это занимает время, реставрацию приходится останавливать. Для таких случаев, как мне кажется, необходима какая-то более простая процедура. Иначе коллапс: предмет охраны препятствует реставрации и, следовательно, сохранению зданий.

— А кто дает методологические советы? Советов попросту давать некому. Историко-культурный экспертный совет, который был когда-то в Мосгорнаследии, в соответствии с введением государственной экспертизы, вынуждены были распустить. Научно-методический совет Министерства

ОБ ЭКСПЕРТНОМ СОВЕТЕ

И кстати, участие трех экспертов в некоторых случаях избыточно, а иногда — категорически недостаточно. Может быть очень интересная, неоднозначная реставрация, с большими сложностями даже чисто инженерного и конструктивного плана или неочевидная в методологическом отношении — такая, например, как при воссоздании колокольни Иосифо-Волоцкого монастыря. Именно для таких случаев, собственно, мы и создали свой экспертный совет, поскольку никаких других структур, которые могли бы решить эти проблемы, пока нет

культуры рассматривает только федеральные здания, и в полном объеме он не восстановлен. Я знаю точно только то, что есть президиум федерального совета, в который я вхожу. Экспертный совет Росохранкультуры тоже перестал действовать.

Для решения этой проблемы было создано некоммерческое партнерство экспертов, которому мы дали имя в память о совете Мосгорнаследия название ИКЭС — Историко-культурный экспертный совет. Мы договорились, что сложные экспертизы будем обсуждать совместно, что интересные случаи будут рассматриваться на заседаниях так, как когда-то их рассматривали на заседаниях федерального совета. Мы работаем не только с городом, но и с областью, и скоро будем рассматривать проект восстановления колокольни Иосифо-Волоцкого монастыря. Наш совет открыт для всех, кто хочет обсудить свою экспертизу, а также для всех архитекторов, заказчиков, которые хотят подвергнуть свои действия общественно-профессиональному обсуждению.

Эксперты докладывают, защищают свою точку зрения. Если с ним не согласен автор проекта реставрации, то защищает себя. А совет — третейский судья, на мнение которого может опираться государственный орган охраны памятника. Он может и не соглашаться, но учитывать его, опираться на мнение профессионального сообщества — обязан. Да и это сказано еще в Венецианской хартии.

- **Значительная замена материала памятника — это уход за грань качественной реставрации?** Все зависит от конкретного случая. Мы же в предмете охраны не случайно стали вписывать «материал и отделку фасадов», чтобы, к примеру, если дом был оштукатурен по кирпичной кладке, на месте гладкой штукатурки не появилась вдруг штукатурка «под шубу». Мы специально прописываем белокаменные детали, рустованные углы здания, чтобы после реставрации они не исчезли, чтобы белый камень не был заменен на гипсовые слепки.
- **В Смоленске сейчас готовятся к большому юбилею города, реставрируется крепостная стена постройки конца XVI века. Новая кладка отличается по цвету от первоначальной, это нормально?** Для реставрации должны были заказывать специальный реставрационный кирпич того же размера и цвета, обязательно. И вычиниваться должна не вся поверхность, а только отдельные фрагменты. Если бы мы определяли предмет охраны для смоленской крепостной стены, то обязательно вписали бы туда конструкцию и материал стен.
- **Какие критерии первичны для определения ценности памятника?** В первую очередь важна подлинность. В случаях, когда при реставрации огромную роль начинают играть инженер и вообще конструктивные инженерные проблемы, ради придания зданию устойчивости часто жертвуют подлинностью. Уничтожается фундамент, который обладает самостоятельной, иногда даже датирующей ценностью. Старое сооружение путем полной вычинки и замены огромных фрагментов его стены превращается в коробку из массы кирпича, не обладающую признаками эстетической и исторической ценности. Реставрация становится гораздо большим испытанием для памятника, чем его забвение. Руины еще можно восстановить, их можно понять, их можно прочесть, а когда вместо руин стоит новодел, ничего уже прочесть нельзя: уничтожаются драгоценные свидетельства. Страшней всего для памятника неожиданно свалившиеся на него большие деньги, которые нужно освоить за год. Вот тогда от памятника может ничего и не остаться.
- **А если памятники используется в качестве жилых помещений?** Это не страшно. Они могут быть даже в частных руках. Главное, чтобы соблюдалось законодательство, чтобы на каждое здание, передаваемое в частные руки, был прописан сразу предмет охраны, выданы охранные обязательства, для того чтобы потом государственные органы могли наблюдать за соблюдением этих обязательств. В Москве эти правила большей частью выполняются, в последнее время особенно.

Правда, есть памятники, которые нельзя вводить в эксплуатацию вследствие их ценности. Дома с ценными интерьерами, например. У них должна быть чисто музейная функция.

МОСКОВСКОЕ наследие

Саша Мамонтова

Дом Демидовых в Гороховском переулке

нельзя любить то, с чем не знаком

АЛЕКСАНДР КИВОВСКИЙ, Министр Правительства Москвы,
руководитель Департамента культурного наследия города Москвы

ДКН / Иван Сториков

«Насильное обучение не может быть твердым, но то, что с радостью и веселием входит, крепко западает в души внимающим»
Св. Василий Великий
(ок. 330–379)

1

Знание истории — первый и важнейший шаг к сохранению памятника. Если общество не знает ценности своей культуры, то работа по сохранению зданий и их реставрации становится не сложной, а просто бессмысленной. И даже абсурдной. Зачем сохранять то, о чем никто все равно ничего не знает?

2

Нельзя любить то, с чем не знаком.

3

Когда люди не интересуются историей и, соответственно, не понимают ценности охраняемого, они не понимают и смысла запретительных мер, придуманных для охраны памятников. Для них эти меры — вроде пугала, обойти которое — чисто техническая и отнюдь не сложная задача.

4

Конституционная обязанность каждого российского гражданина беречь памятники — пустая обязаловка, если общество в них не заинтересовано.

5

Так что первая ступень на пути к сохранению — заинтересовать. Просвещение делает из безразличного общества — равнодушное. А когда общество равнодушно к материальной культуре прошлого, сохранение становится простой задачей, вполне естественной.

6

Кризис бессмыслицы — преодолевается.

7

О популяризации московского наследия много говорилось и прежде, но тогда стиль изложения отдавал казенщиной и серостью, с одной стороны, и официозом и пафосностью — с другой. Получался беспомощный и несвежий продукт, который едва ли мог заинтересовать здравомыслящего человека.

8

Безразличие, невежество и социальные процессы девяностых годов привели к логичному финалу: город полон людей, которым он не дорог. И вовсе не потому, что они плохие, злые или бессовестные, а просто потому, что Москва им чужда, непонятна и незнакома.

9

Немногие москвичи могут относиться к историческим ценностям Москвы с должным вниманием и заботой.

10

Популяризация московских памятников должна стать концептуально иной — интересным знакомством, содержательным разговором на неформальном языке, ярким и свежим впечатлением.

11

Цель нашей работы — формирование гуманной и комфортной городской среды, в которой приоритетное сохранение прошлого могло бы гармонично сочетаться с новыми современными городскими пространствами.

12

Просвещение делает невозможным хамское и безответственное отношение к старой Москве, ее архитектуре.

Внуки Арбата

текст **Игоря Гребельникова**

Арбат, начало XX века, дальняя часть улицы

Арбат в преддверии XVII съезда ВКП(б), 1939 г

церковь Николы Явленного XIX века с колокольной XVII века, уничтожена в 1931 году

Самая протяженная пешеходная улица Москвы — давно уже не самая привлекательная как для москвичей, так и для гостей города. Чтобы что-то изменить на Арбате к лучшему, сегодня нужно, как и раньше, немного оглянуться назад.

Проходя мимо

Как так получилось, что в Москве, с ее перенаселенностью, пробками, недостатком пешеходных улиц, нам редко хочется пройти по Арбату? По Старому Арбату. Когда вы там последний раз были? Советуете ли ее гостям столицы? Или отправляете их первым делом в «Гараж», на «Стрелку», на «Винзавод»? Что случилось? Ведь именно Арбат был специально обустроен для того, чтобы там можно было перевести дух от мегаполиса, ощутить другой ритм жизни — без общественного транспорта, зато с брусчаткой, с обилием книжных магазинов, с атмосферой бесконечно воспроизводимого вернисажа, с лавочками и фонарями.

Именно здесь в 80-е годы была осуществлена благородная попытка замедлить время, остановить то, о чем писал Булат Окуджава: *«Арбата больше нет: растаял, словно свеченька, весь вытек, будто реченька; осталась только Сретенка. Ах, Сретенка, Сретенка, ты хоть не спеши: надо, чтоб хоть что-нибудь осталось для души!»* Конечно, поэт имел в виду не конкретную улицу, а весь район, присущий ему неторопливый уклад, ауру интеллигент-

ности, арбатские дворики и переулки — все то, что было разрушено вдруг объявившимся вероломным тезкой, Новым Арбатом.

Было время, когда по Арбату водили экскурсии, когда сюда в обязательном порядке устремлялись иностранцы, причем не только купить сувениры, но и просто пройти, увидеть фрагмент старой Москвы, разнообразие исторических фасадов... Арбат становился образцом для подражания: именно с него скопированы пешеходные улицы в Нижнем Новгороде, Твери, Тамбове, других городах.

Москва пешеходная

Арбат и сейчас — самая протяженная пешеходная улица Москвы. Их, кстати, в столице — всего семь в пределах Садового кольца, включая крохотные переулки типа Климентовского (между Большой Ордынкой и Пятницкой), оккупированного ларьками и фастфудом, или Столешникова, приобретшего (в отличие даже от соседнего Кузнецкого Моста) лоск благодаря бутикам дорогой одежды, часов и ювелирных украшений. Причем Арбат очень удобен для прогулок (и их главной современной составляющей — шопинга): улица начинается и заканчивается станциями метро. Но как раз из москвичей что-либо покупать сюда мало кто спешит, и это при том, что проходимость улицы считается очень высокой, специалисты ее оценивают порядка 20 тысяч человек в час: этим, кстати, объясняется и одна из самых высоких

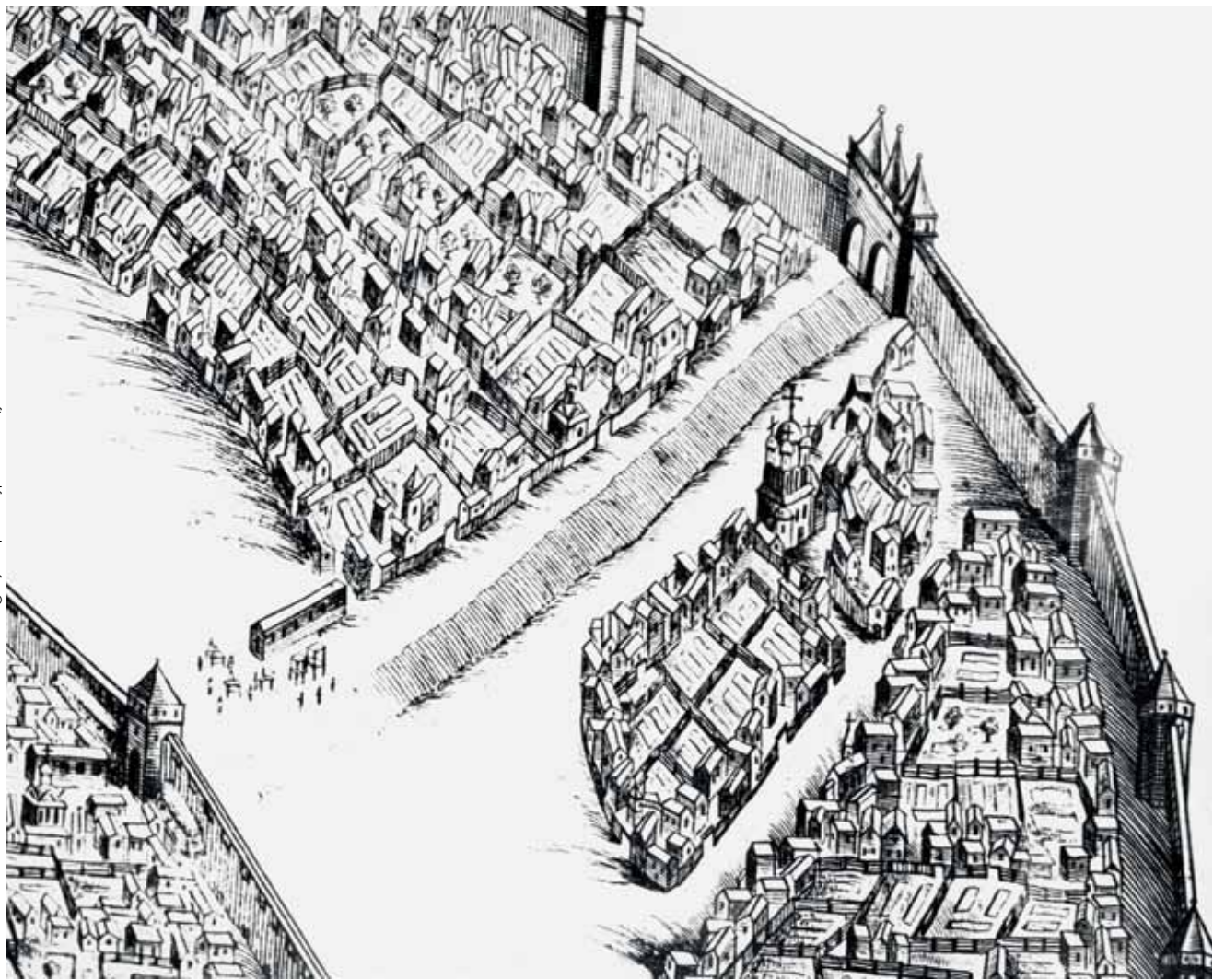
© Музей архитектуры им. А. В. Шусева

Арбат,
начало XX века,
биржа
извозчиков

© Музей архитектуры им. А. В. Шусева

Арбат,
начало XX века,
справа ресто-
ран «Прага»
до надстройки

© Музей архитектуры им. А. В. Шусева

план Москвы
XVIII века
с улицей Арбат

арендных ставок по Москве. «Ничего удивительного,— считает директор управления реализацией «Калинка-реалти» Алена Бригаднова. — Главные арендаторы на Арбате — магазины и рестораны средней руки для не очень требовательной туристической публики. В принципе это стандартная ситуация для подобного рода улиц, похожая ситуация и в Неаполе, и в Барселоне. К тому же надо учитывать, что Москва не туристический город, и Арбат — закономерное порождение нашей индустрии гостеприимства. Лично я избегаю этой улицы и своим гостям обычно не советую».

Я же всякий раз, когда по делам оказываюсь в районе Смоленской площади, предпочитаю пешую прогулку по Арбату в сторону метро «Арбатская». Иду, надеясь, что там что-нибудь изменилось. Увы, почти ничего нового.

Вернулись букинисты, однако смотрятся они довольно жалко: теперь это не магазины, где в юности я проводил часы, а лотки посреди улицы с более чем посредственным выбором книг. В остальном все по-старому: безобразные вывески, редкие невзрачные музыканты, испоганенные яркой штукатуркой фасады, а то и новые исполины, вроде громоздкого, сурового здания главного офиса ТНК-ВР, нагло выдвинувшегося вперед из ряда исторических соседей.

Здесь можно запросто оказаться внутри самых непредсказуемых вертепов мелкой коммерции. Как-то мне нужно было сделать фотографию на

документы: в одном из арбатских переулков я попал в душный флигель, где фотомастерская совмещалась с парикмахерской и маникюрным салоном, а также лавкой по продаже поддельных смартфонов и «элитных подарков», там же изготовлялись ключи и визитки.

Полузакрашенная «стена Цоя» — то еще недоразумение: поклонники, проводившие здесь ночи напролет 20 лет назад, давно уже выросли, а новые толком и не появились: место смотрится просто грязным пятном.

Музей-квартира Пушкина, где поэт прожил первые месяцы семейной жизни с Натальей Гончаровой, или не так давно открытый музей-квартира символиста-мистика Андрея Белого с любопытнейшим собранием артефактов, — грустные напоминания об интеллигентском прошлом этой улицы: кажется, теперь там не бывает посетителей, несмотря на десятки тысяч проходящих по этой улице людей.

Главное ощущение от Арбата — бесхозность, брошенность на откуп хозяевам с самыми непредсказуемыми запросами: нет даже намека на архитектурную или урбанистическую цельность. Неудивительно, что сюда не спешат продвинутые рестораторы, и даже в смысле элитности жилья эта улица сдает позиции. «Ресторан — это легкий жанр, — говорит главный редактор журнала Chef Наталья Савинская. — А на Арбате этой легкости, элегантности нет. Сейчас у него образ замшелого местного Монмартра, абсолютно неживого музейного пространства, и «стена Цоя» не способству-

Арбат готовится к Съезду победителей, видны фотографии Лазаря Кагановича и Вячеслава Молотова

ет позитивному восприятию. Что там делать людям, которые знают, что такое нормальные европейские рестораны, они вряд ли готовы пробираться к ним сквозь хитромантов и бомжеватого вида менестрелей». Ризлтор Алена Бригаднова придерживается подобного суждения: «Никто особенно и раньше не рвался на Арбат, а сегодня многие клиенты оттуда бегут: бескультурье, бомжи в подъездах, уличные музыканты — все это отталкивает. Но наверно, это закономерно с точки зрения развития города».

Однако план архитекторов, взявшихся в 80-е годы превратить Арбат в образцовую пешеходную улицу, где можно было бы уловить атмосферу старой, даже дореволюционной Москвы, был грандиозным.

Идеальная улица

Зловещая аура «Детей Арбата», улицы повышенной бдительности НКВД, по которой в 1930–50-е годы проходила кремлевская трасса, рассеялась над Арбатом не сразу после смерти Сталина. Новый Арбат был проложен в 1960 году, а уже в «брежневское время», в 1974 году архитекторы Алексей Гутнов и Зоя Харитоновна стали работать над превращением Арбата в пешеходную улицу. Это был очень прогрессивный проект (как и многое другое в советской архитектуре конца 60–70-х годов), в духе последних мировых тенденций к функциональным урбанистическим решениям. Решено было не просто убрать движение, но еще и вернуть Арбату исторический об-

здание Театра Вахтангова после (правая верхняя фотография) и до (нижняя) Великой отечественной войны

лик: выложить брусчаткой, отреставрировать фасады, подсветить фонарями в старинном стиле. К 1979 году проект был готов, а в 1985 году завершена первая очередь реконструкции Арбата, и она производила впечатление. «Мы сделали внимательный анализ цветового решения фасадов, ведь до этого их просто красили из пульверизатора ровным желтым цветом, — вспоминает Зоя Харитоновна. — С каждым домом мы работали отдельно, нашли природные цвета и оттенки, в нашей коллекции вообще отсутствовал белый цвет. Первые этажи были окрашены более интенсивно, верхние — более расслабленно, а детали — более светлые. Вся улица стала переливаться будто перламутровая. Мы использовали московскую керамзитовую штукатурку, это уникальная технология, секреты которой знали лишь старые маляры, их мы и привлекли к работе, они работали кисточками, которые я сама покупала». Для мощения были разработаны кирпичики специальной формы и цвета, их укладывали основательно, со знанием дела: вместо гарантийных пяти лет брусчатка на Арбате пролежала двадцать пять. «Тогда мы разработали технологию укладки, чтобы она не разваливалась со временем. Само мощение было нарядным и до сих пор лежит идеально, хотя после недавней реконструкции там и упростили рисунок кладки, но из-за хорошего основания ничего не прогибается. Сейчас совсем не так кладут», — роняет Зоя Харитоновна.

Не просто здания подверглись реконструкции — архитекторы разрабатывали функциональное назначение улицы: было определено, что должно

© Музей архитектуры им. А. В. Шусева

© Музей архитектуры им. А. В. Шусева

© Музей архитектуры им. А. В. Шусева

© Музей архитектуры им. А. В. Шусева

находиться в каждом доме, чтобы, с одной стороны, максимально соответствовать историческому прошлому, а с другой соответствовать статусу современной пешеходной улицы мегаполиса. «Это место было крайне интеллигентным, — вспоминает она. — Представляет, раньше здесь было тридцать с лишним книжных магазинов, многие из них сохранились до и после реконструкции». В обновленном Арбате было разработано все до мелочей, включая дизайн летних террас при кафе, одежду продавцов в магазинах и дворников, формы лавочек и фонарей. Арбат стал туристической меккой, улицу, которую с гордостью показывали гостям москвичи. Успех Арбата впечатлял архитекторов из других городов, ведь там много профессиональных секретов: была разработана схема автостоянок (сейчас они все застроены), доступных общественных туалетов (сейчас на их местах рестораны), здесь было комфортно инвалидам-колясочникам, матерям с маленькими детьми, пожилым.

Произвол судьбы

Однако наслаждаться именно таким Арбатом городу и его гостям пришлось совсем недолго: вся идея комфортной пешеходной улицы попала под каток перестройки и новых экономических отношений. «Обширная реконструкция Арбата была своего рода интеллектуальным извинением властей за Новый Арбат. Там было все сбалансировано — кафе, магазины, заведения

Арбат
в середине
XX века

культуры, места для уличных художников, — вспоминает архитектор из бюро «Артэ+» Владимир Юдинцев. — А потом вся эта культурная программа была провалена властями. В то время Зоя Васильевна Харитонова совершала подвиги, воюя с коммерсантами, захватывавшими Арбат метр за метром, но силы были не равны».

Появление кооперации, а вместе с ней новых товаров и услуг, резко изменило баланс потребительских интересов. Арбат, будучи одной из самых популярных улиц в Москве, быстро привлек новых торговцев: та атмосфера, которая была задумана, его архитекторами, улетучивалась на глазах. «Арбату позволили одичать, — говорит Зоя Харитонова, — отдали его на откуп местным властям, а именно управе района «Арбат». Сколько их там уже сменилось... Обогащаются и уходят, на этой улице многие озолотились». Архитектор вспоминает, что первыми нарушили гармонию продавцы газет, потом появились мангалы с шашлыком, а потом — пошло-поехало. Оказывается, и пресловутая «стена Цоя», одно из самых уродливых мест Арбата, сохраняется вовсе не благодаря поклонникам или акциям движения «Наши», а только лишь потому, что является стеной частного генеральского гаража.

Зоя Харитонова может вспомнить каждый дом, каждый переулок, как он перестраивался по воле новых хозяев, как менялись фонари, как исчезали лавочки, как спиливали деревья, как нарушались градостроительные нормы и законы Москвы, регламентирующие правила использования обществен-

© Музей архитектуры им. А. В. Шусева

© Музей архитектуры им. А. В. Шусева

Арбат эпохи перестройки, конец XX века

Арбат, перестройка продолжается

<

ного пространства, — остановить все это было невозможно. Да и никто кроме нее особенно не стремился: жители с Арбата стали съезжать, коммерсанты — отвоевывать новые площади, туристов стало меньше, москвичи эту улицу обходят стороной. «Единственное, что мне удалось отстоять, — это не допустить рекламных растяжек, сохранить небо», — говорит архитектор.

Есть ли шанс

«Теперь здесь, как в капле воды, отражается все небрежение властей к человеку», — сокрушается Зоя Харитонова

Как скоро наступит день, когда нам вновь захочется вернуться на Арбат и полюбоваться фасадами его зданий, зайти в музеи, просто неспешно пройти? Может ли там культура, история ужиться с коммерцией? Пожалуй, да. Хотя, конечно, коммерции будет больше: в этом убеждает опыт пешеходных улиц в европейских столицах, где из-за витрин и вывесок тоже не сразу разглядишь историю. Такого идеального общественного пространства, пешеходной улицы с историей, компенсирующей дефицит товаров, каким Арбат замыслился в советское время и был осуществлен на излете СССР, наверно, уже не получится. Но привести в порядок то, что есть, можно, убеждена Зоя Харитонова: у нее как у до сих пор консультирующего архитектора большие градостроительные планы, правда, к ним не особо прислушиваются. «Сейчас московский архитектурный мир вообще

исключили из жизни города, — говорит архитектор. — При главном архитекторе города есть экспертный совет, но по сути он сейчас не работает. Люди, приехавшие с Урала или из Татарстана, лучше знают, как распоряжаться Москвой».

Она считает, что первым делом властям города нужно проявить волю и признать Арбат улицей не районного значения, а хотя бы городского. Пора опять приводить в порядок пестро раскрашенные фасады, реконструировать перестроенные за последние годы арки, менять фонари, делать освещение более мягким — словом, возвращать городу общественное пространство, то, что коммерсанты самостоятельно никогда не решатся сделать.

Но только таким путем можно вернуть пешеходной улице — нет, не славу, — а элементарную привлекательность, в том числе и для тех, кто хотел бы продавать свои товары, предлагать свои услуги в адекватном им антураже.

Недостаток одной полноценной торгово-пешеходной улицы в Москве своеобразно компенсируется наличием трех небольших переулков в центре города, на которых по отдельности есть почти все, о чем могут мечтать желающие прогуляться с пользой. Это Камергерский и Столешников переулки, а также Третьяковский проезд. Ставшие пешеходными примерно в одно время, они добились качественно разных результатов и, скорее всего, будут меняться в сторону разнообразия предлагаемых пешеходам услуг

Мария Арендт

Мария Арендт

Мария Арендт

Третьяковский проезд

Проще всех устроен Третьяковский проезд: там нет ничего кроме дорогих бутиков. Он открылся после реконструкции в 2001 году и в принципе лишь отчасти повторяет первоначальный замысел: в 1870 году его приспособили под коммерческие нужды купцы Павел и Сергей Третьяковы. По сути это был экономичный вариант пассажа: небольшому узкому ряду строений не хватало крыши. Но по своему наполнению тот Третьяковский проезд все-таки несколько отличался от современной версии: туда можно было пойти не только за дорогой одеждой, часами, ювелирными украшениями или очень дорогими автомобилями. Еще туда можно было заглянуть в чайную лавку, одну из лучших в Москве, где предлагали элитные сорта цейлонского и китайского чая. Также в проезде размещались офисы нотариусов, банка, крупных фирм.

У компании Mergury, торгующей предметами роскоши, реконструировавшей Третьяковский проезд под свои нужды, какое-то время там был ресторан, но в итоге все-таки предпочли еще один бутик, а ресторан Baccarat Crystal Room (на первом этаже которого — опять-таки бутик французского хрусталя) открыли буквально за углом, на Никольской улице, в здании бывшей аптеки №1. Проезд, хотя формально он и считается пешеходной улицей, по сути является дорогим торговым центром (помимо бутиков и дорогих автосалонов там есть лишь спа-центр), где случайных пешеходов не бывает. Узкая специализация проезда, очевидно, сознательно отсекает ненужную публику, однако и потребители товаров роскоши предпочли бы разнообразие: это учтено в другом проекте компании Mergury — ЦУМе, где есть и продуктовый магазин, и кафе, и бары. Так что Третьяковскому проезду есть к чему стремиться и в каком направлении меняться.

Столешников переулок

Если Третьяковский проезд был с самого начала и целиком дорогой торговой улицей, то его ближайший конкурент (и в географическом плане, и в коммерческом) — Столешников переулок — становится таковым постепенно, но верно. Сейчас здесь самые дорогие места для арендаторов, но благодаря дворам здесь размещаются не только бутики дорогой одежды, ювелирных украшений, часов, но и вполне себе демократичные по ценам (и по духу) кафе — например, Gogol', где часто проходят концерты живой музыки. Раньше таких мест здесь было больше, а теперь — больше дорогих магазинов. Чуть ли не на полширины переулка выдвинулся вперед бар Denis Simachev, на втором этаже которого также бутик. В угловом доме на пересечении с Большой Дмитровкой долгое время находился обувной магазин, но теперь там ресторан знаменитой сети Роберта де Ниро Nobu. В Столешников переулок из Третьяковского проезда только что перебрался бутик Prada, так что в исключительно люксовом будущем этой пешеходной улицы сомневаться не приходится. Правда, пока это еще не мешает уличным музыкантам, одолевающим здесь прохожих в течение дня.

Кафе подешевле (и похуже в смысле качества еды) теперь теснятся на отрезке между Большой Дмитровкой и Тверской улицей. Бутики сюда ступать пока не решаются: переулок здесь поуже, народу поменьше. Атмосферу этого участка, к счастью, пока что задает храм Космы и Дамиана в Шубине, восстановленный после перестройки на месте филиала Библиотеки иностранной литературы, и, кажется, до сих пор добрую половину прихожан составляют бывшие читатели этой библиотеки, так что место примечательное.

Перспективы Столешникова переулка риэлторы оценивают очень высоко: проходимость хорошая, состояние фасадов приличное, витрины большие, к тому же это на пути к ЦУМу с Тверской улицы. Видимо, этим объясняется и то, что Столешников переулок сильно обошел другого своего конкурента, Кузнецкий Мост, — главную модную улицу дореволюционной и даже советской Москвы.

Камергерский переулок

Зато недорогие заведения питания всюду приживаются в Камергерском переулке: они теснят друг друга и прохожих, выдвигая свои веранды (теперь уже, кажется, круглогодично) далеко вперед. Летом между столами поближе к Большой Дмитровке пролегла лишь узкая тропинка: такое агрессивное освоение общественного пространства коммерсантами должно привлечь внимание городских властей. Магазинов здесь почти нет: каким-то чудом до сих пор сохранился Дом педагогической книги, где на двух этажах продают учебники.

Здесь не только трудно пройти, но и трудно рассмотреть архитектуру, и вот это как раз особенно досадно. В Камергерском переулке много красивых зданий: почти все они памятники архитектуры, дома строили видные зодчие. Однако образцы модерна или конструктивизма, а также постройки предыдущих эпох трудно оценить из-за плотной завешенности вывесками.

Но тем не менее культурная публика сюда ходила, ходит и будет ходить, ведь здесь находится МХАТ имени Чехова. Другое заведение, относящееся к сфере образования в области культуры, — Академия ваяния и зодчества Ильи Глазунова, первый этаж которого занимает кафе Academia, ставшее одним из самых успешных сетевых проектов в Москве за последние годы. До недавнего времени меккой гурманов и культурной публики было Cafe des Artistes, которым более десяти лет управлял шеф-швейцарец Дольф Михель, но после его смерти место сменило и вывеску, и концепцию, а жаль, место — достопримечательное: оно было артистическим по духу еще в советские годы, здесь можно было встретить художников, составлявших славу московского андерграунда.

Кутузовский проспект

завершилась реставрация памятников Кутузову и Багратиону на западе Москвы

Департамент культурного наследия города Москвы показал, как прошла реставрация мемориального комплекса 1812 года на Кутузовском проспекте. Заканчиваются работы на памятнике-бюсте Кутузова возле «Кутузовской избы», конном памятнике Кутузову (1959 и 1973 годы, скульптор Томский) и памятнике Багратиону (1999 год, скульптора М.Мерабишвили).

При реставрации памятника-бюста проведены работы по расчистке поверхностей и вычистке фундамента; заделаны дефекты материалов памятника, восстановлена гидроизоляция.

На конном памятнике Кутузову при реставрации воссозданы бронзовые элементы горельефов, устранены дефекты литья, восстановлена патина на бронзе.

Памятник Багратиону заявлен на государственную охрану и находится на балансе Мосгорнаследия. Исследования показали, что бронзовая скульптура была выполнена с дефектами литья, а на поверхности памятника образовалась недоброкачественная патина. Это все устранено. Кроме этого, памятнику потребовалась переборка ограждения и герметизация швов более устойчивыми к климатическим изменениям составами.

Под памятником-бюстом М. И. Кутузова пришлось ремонтировать фундамент

В конном памятнике М. И. Кутузову были исправлены дефекты литья

Тверская улица, дом 5а

итальянский взгляд на Москву из Ректорского дома

27 октября в Москве после реставрации открылся так называемый Ректорский дом (ул. Тверская, д. 5а). Это объект культурного наследия регионального значения. Ректорским дом называется потому, что использовался как квартира для ректора Московского государственного университета. До этого в нем жили князья Волконские, знаменитая русская аристократическая семья, ведущая свой род от Рюрика, в этом же доме снимал квартиру великий русский литературный критик Виссарион Белинский.

Дом отреставрирован совместными усилиями правительства Москвы и девелоперской компании RD Group.

В отреставрированном Ректорском доме с 27 октября по 5 ноября прошла выставка Бьянки «Коко» Касади «Holy Ghost». Открыл выставку в Ректорском доме министр правительства Москвы, руководитель департамента культурного наследия города Москвы Александр Кибовский.

На выставке «Holy Ghost» было представлено 40 работ (фотографии, рисунки и коллажи), которые Бьянка подготовила специально для России. Экспозиция отражает ее взгляд на Москву и современное общество.

В Ректорском доме жил ректор, до него — князья Волконские и писатель Белинский, а после реставрации побывал Holy Ghost

Большая Садовая улица, дом 5

через шесть лет гостиница «Пекин» станет пятизвездочным отелем Fairmont

Историческим зданием гостиницы «Пекин» заинтересовался международный гостиничный оператор *Fairmont Hotels & Resorts*, готовый совместно с собственником отеля — компанией «Галс-девелопмент» и при финансовом партнерстве банка ВТБ превратить его в пятизвездочный отель. Намерения закреплены меморандумом об управлении гостиницей и о ее реставрации, подписанным 19 октября 2011 года.

Fairmont знаменит эксплуатацией исторических зданий, в частности, оператор провел реставрацию лондонского *Savoy*, где воссоздал интерьеры эпохи короля Эдуарда IV и интерьеры в стиле ар-деко.

«Пекин», построенный по проекту архитектора Дмитрия Чечулина, — один из лучших образцов позднего «сталинского ампира». Проект создан в 1930-е годы, но строительство пришлось на послевоенные годы: официально «Пекин» ввели в эксплуатацию в 1956 году.

«Пекин» была гостиницей повышенного уровня, на 11-м этаже были дорогие номера, с 6-метровыми потолками. На первом этаже был ресторан китайской кухни «Пекин» с роскошными интерьерами. Ручная роспись на стенах и колоннах с применением только натуральных красителей, ручной работы деревянные панели и ширмы, картины на стенах — роспись по китайскому шелку, китайские вазы и статуэтки. Часть былого великолепия сохранилась и будет бережно отреставрирована.

Сейчас в «Пекине» 137 общедоступных номеров и ведомственная гостиница. Здание освободят полностью и добавят к номерному фонду около 100 номеров.

В обновленном отеле *Fairmont Pekin Moscow* будет 235 номеров и сьютов, включая *Fairmont Gold* — отдельную зону с индивидуальным обслуживанием и дополнительными VIP-бонусами. Откроется еще несколько ресторанов и кафе.

Реставрация «Пекина» начнется в декабре 2013 года, перед этим будут проведена тщательная историко-культурная и техническая экспертизы. Открыть отель под брендом *Fairmont Pekin Moscow* планируется в конце 2017 года. Инвестиции составят \$100 млн.

Гостиница «Пекин» была памятником китайско-советской дружбы, а превратится в образец современной роскоши

Лейпциг рассказал России о реставрации памятников

С 29 сентября по 1 октября 2011 года в Москве в центральном выставочном зале «Манеж» прошла специализированная выставка «Denkmal-Moskva-2011». Она основывается на успешной экспозиционной концепции, разработанной Лейпцигской ярмаркой и воплощенной в виде выставки *Denkmal* (по-немецки — *памятник*), которая с 1994 года раз в два года проходит в Лейпциге. За это время *Denkmal* стала одним из главных в Европе событий в области сохранения наследия, реставрации и реконструкций зданий.

Теперь эта авторитетная выставка международного масштаба локализовалась в Москве, и это позволило объединить лучшие реставрационные силы Москвы и регионов России, профессионально поговорить об охране памятников и привлечь инвесторов. *Denkmal — Москва-2011* стала удобным местом для демонстрации достижений, презентации новых проектов и обмена техническими решениями. На выставке встретились отечественные и международные специалисты: защитники памятников, реставраторы, археологи, специалисты художественного ремесла, представители строительных фирм, плановики, учёные, сотрудники музеев, чиновники, защитники культурного наследия, собственники исторических построек, любители искусства и культуры.

день за днем. сентябрь— октябрь

5

27 сентября
ул. Садовая-Спасская, д. 19,
корп. 1, корп. 2

Вышло постановление правительства Москвы «О включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ в качестве объекта культурного наследия регионального значения объектов по адресу: ул. Садовая-Спасская, д. 19, корп. 1, корп. 2», где работала группа изучения реактивного движения под руководством С.П. Королева. «Доходный дом, 1904 г., архитектор О.О. Шишковский» (д. 19, корп. 1) и «Доходный дом, 1910-е гг., архитектор Н.И. Жерихов» (д. 19, корп. 2) будут охраняться государством как единый ансамбль.

7–8

Сентябрь
Б. Толмачевский пер., д. 5, стр. 7
ул. Б. Никитская, д. 15, стр. 1

Решениями арбитражного суда города Москвы собственники объектов культурного наследия федерального значения «Дом XVIII–XIX вв.» (Б. Толмачевский пер., д. 5, стр. 7) и регионального значения «Дом, в котором помещался книжный магазин «Лавка имажинистов», в 1919–1921 гг. здесь работал поэт С.А. Есенин» (ул. Б. Никитская, д. 15, стр. 1) признаны виновными в несоблюдении законодательства об охране памятников истории и культуры. Нерадивые собственники зданий, компании «Монако синема» и «Имидж», выплатят штрафы в размере 30 тыс. рублей и 1 млн рублей соответственно.

1

5 сентября
Ленинградский пр-т., д. 73а

Патриаршему подворью храма Всех Святых во Всехсвятском переулке выдано предписание приостановить строительство хозяйственных построек на территории объекта культурного наследия федерального значения «Грузинский некрополь: церковь Всех Святых в селе Всехсвятском и историческое кладбище деятелей культуры Грузии, XVII–XVIII вв.» (Ленинградский пр-т., д. 73 а). 19 сентября выдано второе предписание – демонтировать все сооруженные постройки до 21 ноября 2011 г.

2

8 сентября
ул. Россолимо, д. 15/13, стр. 1

Первому московскому государственному медицинскому университету им. И.М. Сеченова выдано предписание приостановить строительные работы на территории здания Клиники горловых и ушных болезней, 1894–1895 гг. постройки на ул. Россолимо, д. 15/13, стр. 1. Здание клиники – объект культурного наследия. Ремонтно-строительные работы на фасадах и во внутренних помещениях здания велись без необходимой проектной и разрешительной документации.

3

13 сентября
ул. Б. Лубянка, д. 14

Девятый арбитражный апелляционный суд подтвердил справедливость позиции департамента культурного наследия города Москвы в отношении объекта культурного наследия XVIII века – знаменитого «Дома Орлова-Денисова» (ул. Б. Лубянка, д. 14) и постановил изъять у недобросовестного собственника историческое здание, доведенное до аварийного состояния.

ноябрь 2011

4

17 сентября
М. Ивановский пер., д. 2

Мосгорнаследие приостановило земляные работы вблизи объекта культурного наследия федерального значения «Ивановский монастырь, XVIII–XIX вв., 1860–1879 гг., арх. М.Д. Быковский» в Малом Ивановском переулке, д. 2, которые велись без археологического сопровождения и разрешения Мосгорнаследия.

6

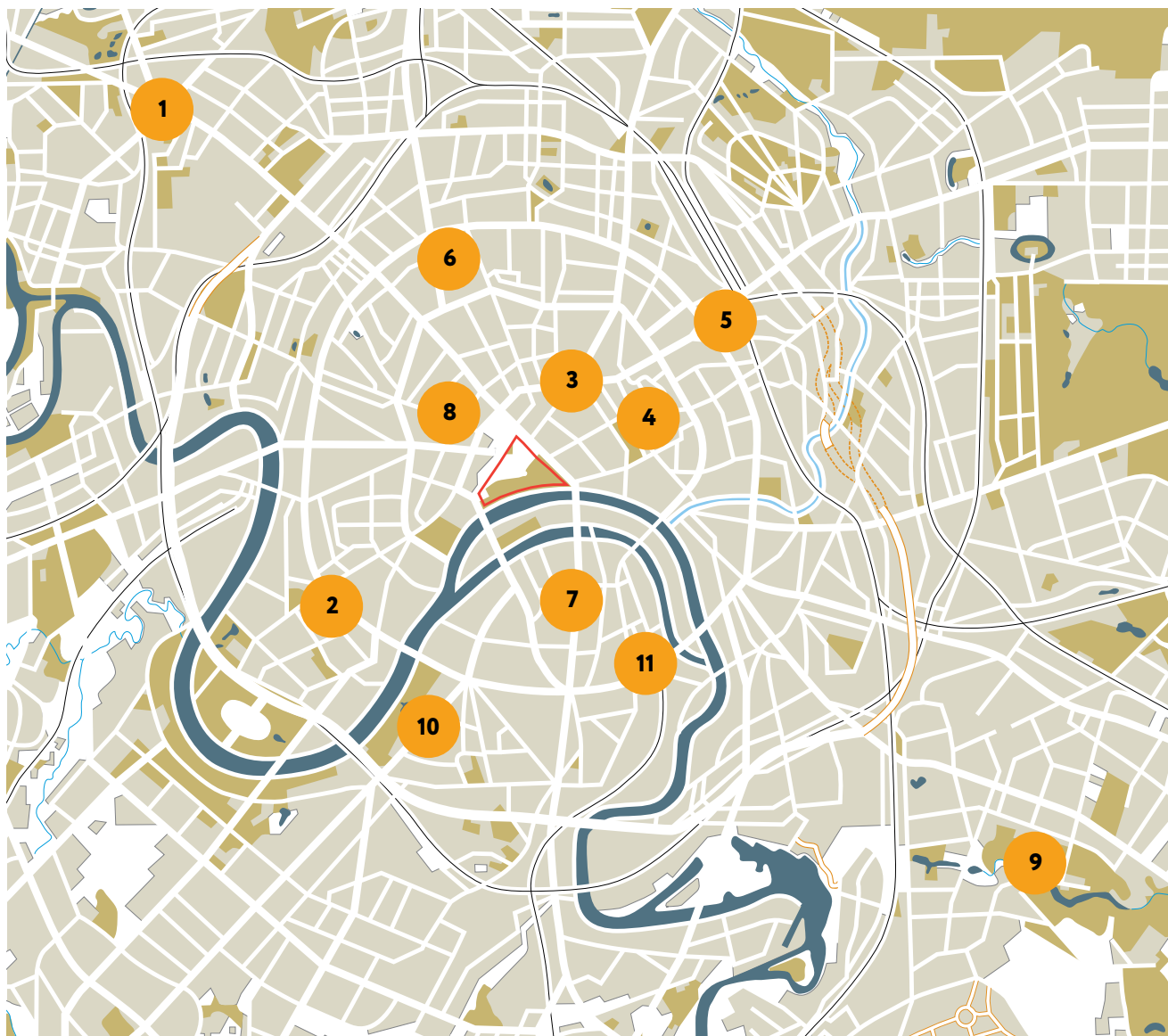
29 сентября
ул. М. Дмитровка, д. 6

В арбитражном суде города Москвы состоялось слушание дела о расторжении договора аренды между государственным театром «Ленком» и бильярдным клубом «Абриколь» (ул. М. Дмитровка, д. 6) – последний нанес урон историческим интерьерам объекта культурного наследия федерального значения. Помещения будут приведены в первоначальный вид под руководством и контролем Мосгорнаследия.

11

6 октября
ул. Новокузнецкая, д. 42, стр. 2

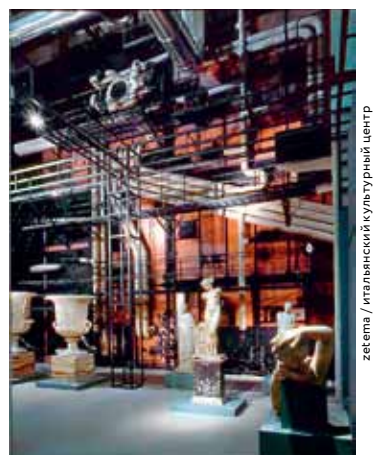
ООО «Новокузнецкая, 42» – собственник объекта культурного наследия «Жилой дом, 1879 г.» на ул. Новокузнецкой, д. 42, стр. 2 – уплатило административный штраф в размере 1 млн рублей за уклонение от заключения охранного обязательства, исполнив постановление Мосгорнаследия.

СНОСИТЬ НЕЛЬЗЯ! ИСПОЛЬЗОВАТЬ

В середине октября в московском Институте культуры Италии состоялась московская встреча участников европейского проекта *RKM — Save Urban Heritage*, который ведется в сотрудничестве городских администраций Рима, Москвы и Киева и университетов этих трех столиц. Эксперты из нескольких стран обсуждали актуальную для всей Европы проблему сохранения культурного наследия городов, в частности, промышленных районов начала XX века и зданий эпохи конструктивизма. Темой семинара было *«Определение стратегии эффективного управления по сохранению архитектурного и городского наследия стиля авангард: руководящие принципы и лучшие примеры по охране наследия»*.

текст **Оксаны Самборской**

zetema / итальянский культурный центр

Бурное развитие промышленности в начале прошлого века сформировало целый пласт специфической архитектуры. За столетний период города разрослись, и промышленные предприятия оказались в центре мегаполисов. Европейские эксперты представили московским коллегам архитектурные, урбанистические и финансовые подходы, позволившие осуществить перекалфикацию общественного архитектурного наследия в Италии и других странах Старого Света.

Опыт «смены функций» нескольких кварталов и сооружений в Риме поделилась директор управления городских музеев компании Zetema Тереза Мулоне. Один из лучших примеров — электростанция Монтемартини постройки 1912 года. Проработавшая более полувека, электростанция в 1972–1974 годах была закрыта, оборудование ее демонтировали. Тогда же был выполнен проект переустройства её зданий — в части из них разместились складские помещения, мастерские, офисы и телевизионная студии. Толчком для превращения бывшей электростанции в культурное пространство стало счастливое стечение обстоятельств: в 1990-х Капитолийские музеи подыски-

За столетний период города разрослись, и бывшие промышленные предприятия невольно оказались в центре мегаполисов

вали место для хранения и экспонирования скульптур — на время реставрационных работ в музейных зданиях. Электростанция подошла как нельзя лучше, и в 1998 году она была открыта как музейная площадка. Этот проект стал пилотным для реновации всего квартала и превращения его в арт-пространство. Успешность выбранного подхода подчеркивает тот факт, что только в 2010 году экспозицию посетили 45 500 человек, на площадке прошло 2 джазовых фестивалей, 19 художественных и музыкальных мероприятий, которые собрали более 5000 зрителей.

Другой пример реновации исторических зданий «со сменой функции» — комплекс бывшей скотобойни постройки конца XIX века в Риме. Производство было закрыто в 1975 году. В начале «нулевых» был выполнен проект по реставрации и приспособлению здания: здесь разместился музыкальный центр и трансформируемое выставочное пространство. 18 февраля 2010 года был открыт третий павильон La Pelanda (цех, где забивали свиней). Сейчас здесь находится театр-студия.

Наконец, третий римский пример — дом главы мафиозного клана. Вилла XIX века была перестроена в 1937–1940

zeema / итальянский культурный центр

zeema / итальянский культурный центр

комплекс бывшей скотобойни постройки конца XIX века, теперь музыкальный центр, выставочное пространство и театр

zeema / итальянский культурный центр

электростанция Монтемартини постройки 1912 года, теперь одно из помещений Капитолийского музея

zeema / итальянский культурный центр

zeema / итальянский культурный центр

Вилла XIX века, конфискованная у мафиози, теперь «Дом джаза»

< >

zeema / итальянский культурный центр

годах для владельца-банкира. В 1980-х она принадлежала мафиозному дону, в 1990-х была конфискована и перешла в собственность города, который в 2002–2005 годах переоборудовал её в «Дом джаза». На территории виллы расположены три здания, в которых разместился зал на 150 мест, звукозаписывающая студия, аудиовизуальный архив, бар и ресторан. В 2010 году 164 различных мероприятия собрали здесь 23000 зрителей.

«Отчет» о римском опыте был дополнен рассказом об опыте миланском. Идеями о реновации и приспособлении промзон поделился профессор архитектуры Гвидо Морпурго (архитектурная студия Gregotti Associato e Morpurgo — De Curtis).

Промышленный квартал, где базировалось производство шин Pirelli, был построен в 1920-х годах на окраине Милана, вдоль железнодорожной ветки. Постепенно городская застройка окружила производственные корпуса, и квартал оказался почти в центре города. В 1985 году производство было практически полностью прекращено, и в 1995 году был объявлен международный конкурс на реконструкцию, целью которой заявлялась интеграция промзоны в городскую среду. Идея состояла в том, чтобы территория стала многофункциональной, гибко сочетающей культурную, исследовательскую и другие функции, объем которых мог бы изменяться и обновляться в зависимости от запросов жителей и инвесторов, участвующих в развитии проекта. За 15 лет часть проекта была уже выполнена: на месте бывшей промзоны разместились университетские научно-исследовательские лаборатории, штаб-квартира корпо-

Территория стала многофункциональной, гибко сочетающей культурную, исследовательскую и другие функции, объем которых может изменяться и обновляться

рации, появились новые жилые кварталы, в том числе для университетских нужд. За 18 месяцев здесь был построен оперный театр, где шли постановки театра Ла Скала, пока в основном здании шел ремонт.

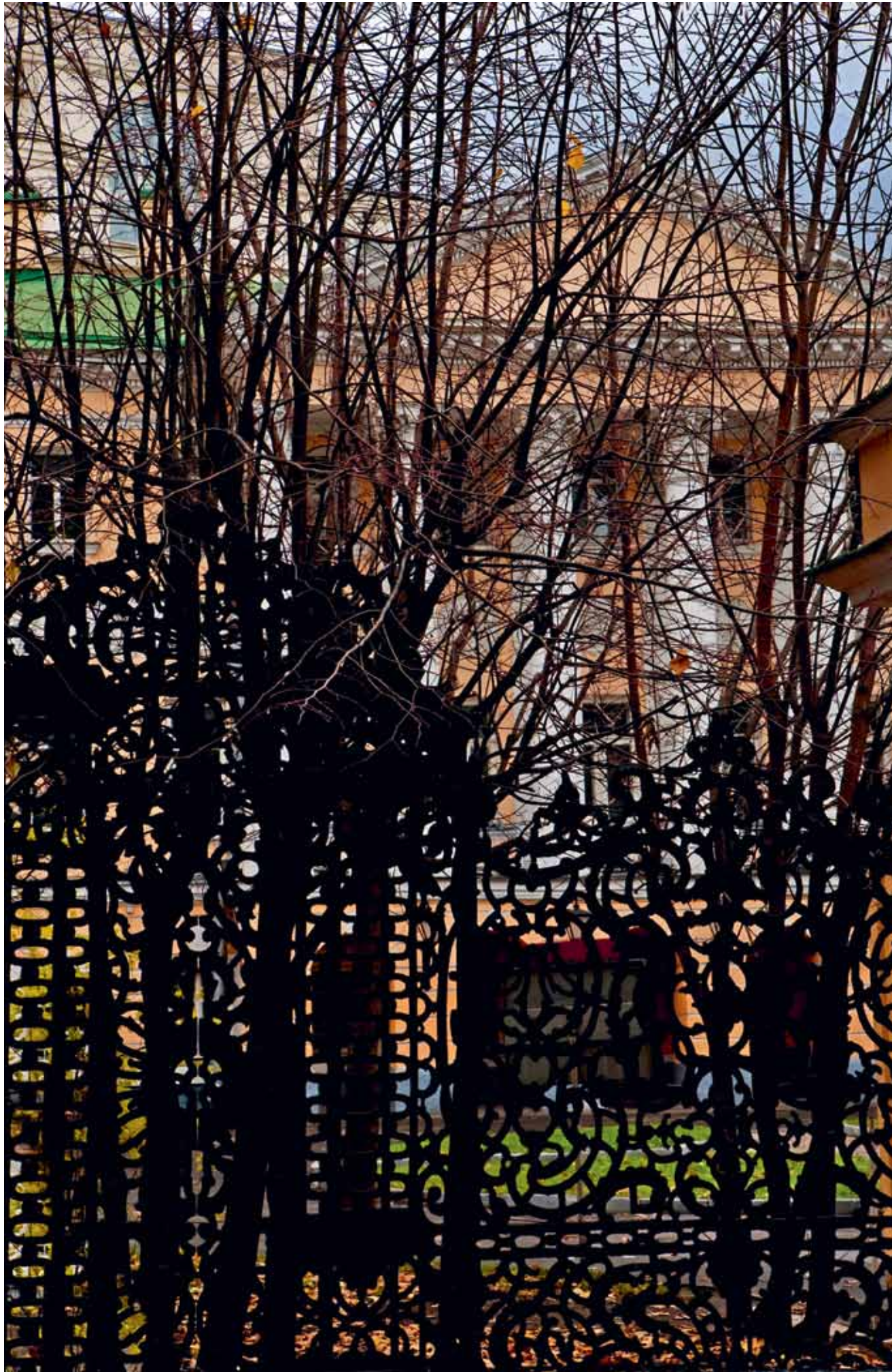
Реконструкция еще не закончена, но часть сделать удалось — в частности, сохранить градирию начала века. Масштабную «трубу с талией» заключили в куб, один фасад которого полностью стеклянный: с этой стороны открывается красивый вид на историческое здание XVI века. Внутри самой градирии расположены залы заседаний, к которым на разной высоте ведут стеклянные переходы. В уникальном сооружении расположилась штаб-квартира Pirelli.

Болевой точкой проекта RKM — Save Urban Heritage остается сохранение объектов архитектуры эпохи авангарда и конструктивизма. Одной из самых известных организаций в этой сфере является комитет DO.CO.MO.MO International при Школе архитектуры Эйндховена (Нидерланды). DO.CO.MO.MO был учрежден в целях защиты от сноса одного из известнейших зданий — символа европейского модернизма, санатория Zonnestraal (город Хилверсум), спроектированного Йоханнесом Дуикером в 1928–1934 гг. и пришедшего в упадок из-за плохо проведенных реставрационных работ. В 2001 году, после многолетних технических исследований, в здании началась реконструкция. Оно было отреставрировано с сохранением исторической структуры до мелочей, даже стекол, которое реставраторы вынуждены были привезти из Литвы, так как только там остались предприятия, производящие стекла по технологиям начала XX века.

КОЛОННЫ И ПИЛЯСТРЫ

фотографии САШИ МАНОВЦЕВОЙ

Матвей Казаков родился в 1738 году в Москве. Учился у *Василия Баженова*, а потом сносил и перестраивал его дворец в усадьбе Царицыно. *Казаков* никогда не был за границей, но как-то освоил современные ему мировые тренды. Был в Москве нарасхват — строил очень много. Узнав о пожаре Москвы при нашествии французов в 1812 году, умер — в Рязани, где находился в эвакуации. *Евграф Тюрин*, с большой вероятностью, учился у *Матвея Казакова* в Экспедиции кремлевских строений

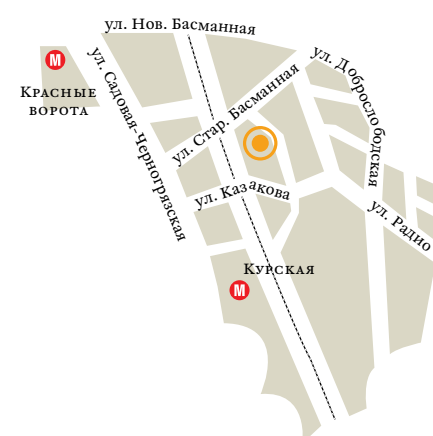

Усадьба Демидовых в Большом Толмачевском переулке
Матвей Казаков

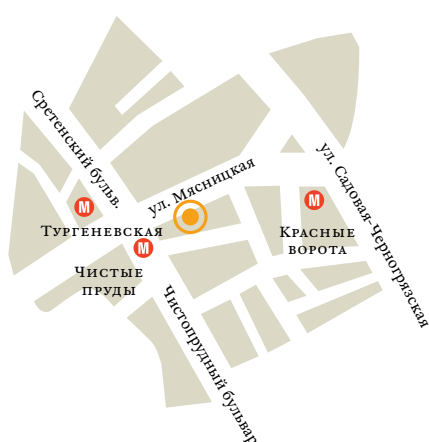

Дом Демидовых в Гороховском переулке
Матвей Казаков

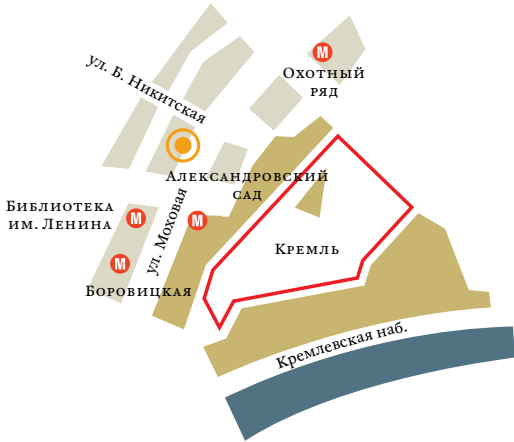

Ворота дома Барышниковых на Мясницкой улице (вид на дом Корбюзье)
Матвей Казаков

Новое здание Московского университета на Моховой
Евграф Тюрин

Усадьба Демидовых в Большом Толмачевском переулке
Матвей Казаков

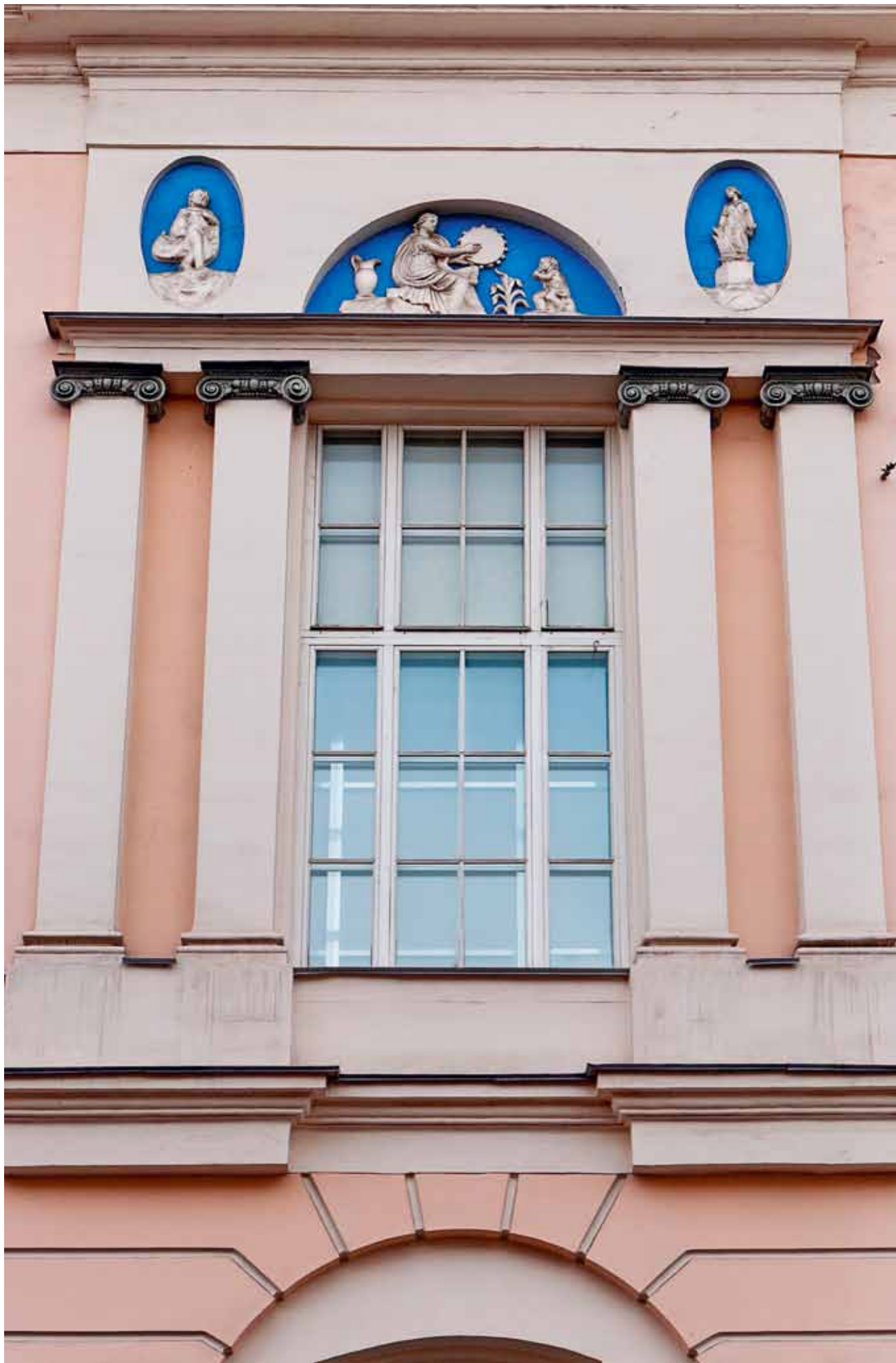

Басманная больница
Матвей Казаков

Дом Барышниковых на Мясницкой улице
Матвей Казаков

Дом Губиных на Петровке
Матвей Казаков

Сохранение культурного наследия: где грань между реставрацией и уничтожением?

Как контролировать использование памятников архитектуры?

Новые функции исторических зданий: как избежать конфликта содержания и формы?

Как в России соблюдается международное законодательство?

Хранители: будущее исторического наследия

*Программа общественных дискуссий
института «Стрелка» и Москомнаследия*

25–26 ноября, 3 декабря · Дом Культуры «Белые Палаты» · Пречистенка, 1

Флип тен Кате

Нидерланды, директор комиссии по стандартам развития (Federatie Westland)

Юрий Григорян

Москва, архитектор, директор архитектурного бюро «Проект Меганом»

Терье Нипан

Норвегия, консультант

Наталья Душкина

Москва, историк архитектуры, профессор МАРХИ

Алексей Новиков

Москва, экономист, глава российского офиса Standard&Poor's

Елена Соловьева

Архитектор, руководитель научно-проектного объединения «Исторические зоны» НИИПИ Генплана г. Москвы

Евгений Асс

Москва, архитектор, профессор МАРХИ

Николай Переслегин

Москва, советник руководителя Москомнаследия

Алексей Муратов

Москва, архитектурный критик, главный редактор журнала «Проект Россия»

городские прогулки под деревьями

текст ЕЛЕНА БРАГИНСКАЯ, графика ЕЛЕНА НОВОСЕЛОВАЯ

Поэзия

«Шел трамвай десятый номер по бульварному кольцу», — поэзия и проза неразрывны. Действительно, по бульварному кольцу ходил десятый трамвай. Но до этого здесь ходил трамвай А, пущенный в 1911 году и называемый Аннушка. И второе название бульварного кольца — кольцо А.

Поэты материализовали даже некий призрак бульвара: от распятой кокаином бедной деточки до призрака девочки, увязавшегося за Ходасевичем от самых Никитских ворот, а еще уставшая девочка из стиха Цветаевой «На бульваре»... Впрочем, Цветаева и парижские бульвары прославляла тоже.

Воспетый Игорем Тальковым Чистый пруд в XVI–XVIII веках назывался не иначе как «Поганый пруд» и в него сбрасывались отходы мясных лавок, расположенных на Мясницкой улице

Кольцо А

Слово бульвар происходит от французского «boulevard», которое само образовано от нидерландского «bolwerk» — дощатая конструкция, впоследствии земляной вал, защищающий город. Такой вал был насыпан в Москве в середине XVI века. В 1585 году царь Федор Иоаннович велит на его месте построить крепостную стену, границу Белого города.

В 1760 году стена обветшала, да и стала ни к чему. Ее начали разбирать, а камни и кирпичи использовать при строительстве казенных зданий: Воспитательного дома, резиденции генерал-губернатора. Не о том ли Салтыков-Щедрин: «(13) Негодяев, Онуфрий Иванович, бывший гатчинский истопник. Размостил вымощенные предместниками его улицы и из добытого камня настроил монументов». Хотя таких моментов в нашей истории — хоть отбавляй...

Затем по приказу Екатерины II сделали всё как в Европе: вместо укреплений — широкие улицы с двумя рядами деревьев. Первым был насыпан 3 Тверской бульвар. Первоначально он был единственным в Москве и назывался просто — Бульвар.

Хоть хронологически Тверской бульвар и первый, топографически путешествие принято начинать с Гоголевского бульвара: он и Яузский бульвар — две оконечности бульварной подковы. Соймаковский и Устьинский проезд, упирающиеся в Москва-реку, иногда тоже причисляют к Бульварному кольцу. Но о них говорить не будем.

1 Гоголевский бульвар. Он располагается на трех уровнях, оттого что тут раньше протекал ручей Черторый. До 1929 года он славился чудной церковью Ржевской Божьей Матери, но ее снесли. Венчает бульвар площадка с памятником Н. В. Гоголю работы Н. Томского, он в 1952 году заменил сидячий памятник Гоголю гениально-го Андреева (его перенесли в скверик на Никитском бульваре). К 180-летию со дня рождения Гоголя на площадке поставили еще четырех Гоголей с фонарями в руках. Хиппи, которые

собирались на «Гоголях», сделали попытку похитить фонарь, но устали и вернули.

2 Никитский бульвар назван в честь Никитского женского монастыря, снесенного в 1920 году. Здесь Музей народов Востока. Дом 12 — уцелевшая усадьба XVII века. Был знаменит еще гастрономом самообслуживания «Кишка», куда хиппи ходили за алкоголем.

4 Страстной назван в честь Страстного монастыря, снесенного в 1938 году.

На **5 Петровском бульваре** в 1990-е годы был сквот художников, «самое крупное независимое творческое пространство Москвы».

На **6 Рождественском** сохранился монастырь XVI–XIX веков. В другом конце бульвара уже 17 лет строится развлекательный центр, в народе «Навозный жук». Задуманный как малая кафешка, центр уже захватил 3388 кв. м площади.

На коротком **7 Сретенском** — памятник вдове мирового пролетариата

Надежде Крупской, бывшее тусовочное место, называвшееся «Уши»

На **8 Чистопрудном** собираются готы, порой можно видеть людей в средневековой одежде, но чаще — крашенных унылых парней и девиц.

9 Покровский бульвар обязан своим появлением московскому пожару 1812 года (ср. реплику Скалозуба: «Пожар способствовал ей много к украшению»). Грибоедов намекал на здание Мушкетерного

Продается

Москва, Гоголевский бульвар. Общая площадь — 287 кв. м. Клубный дом с видами на храм Христа Спасителя.

Квартира в стиле ар-деко. Вся мебель изготавливалась по эскизам заказчика в Италии. Витражи ручной работы. В квартире установлена система «Умный дом». В доме пропускная система, консьерж, видеонаблюдение, паркинг. Есть два м/м по €150 тыс.

Квартира зонирована на три части. Первая: кабинет 20 кв. м, гостевой с/у и мягкая зона 70 кв. м. Вторая (хозяйская): две гардеробные, спальня 30 кв. м, большой с/у с репродукцией картины Айвазовского, постирочная. Третья: детская зона: спальня 20 кв. м, с/у \$10 341 747

Полностью готовая к проживанию трёхкомнатная квартира с отделкой в современном стиле. Просторная гостиная — кухня — столовая, спальня со своей ванной комнатой, кабинет, гостевой с/у, 2 балкона. Квартира ориентирована на 2 стороны света, на бульвар и во двор. Высота потолков 3,35 м. Квартира меблирована и укомплектована бытовой техникой. Знаменитый фасадный дом в стиле постконструктивизма постройки 1936–1941 годов, проект известного архитектора И. А. Голосова. Яузский бульвар, д. 2, стр. 1. \$730 000

батальона — детища Павла I, на месте которого в 1830 году были построены огромные Покровские казармы. В доме 15/18 писатель Телешов учредил свои «Среды», где бывал весь цвет московской интеллигенции.

10 Яузский бульвар построен на месте стрелецкой слободы и слободы серебрянников. Потом его стали заселять дворяне. Знаменит постконструктивистским домом архитектора Ильи Голосова с двумя огромными статуями возле арки.

Продается

Бульвар Капуцинок, шестой-седьмой этаж, лифт имеется, двухуровневая квартира, второй уровень выходит на террасу 16 кв. м. Кухня открывается в сторону террасы, ванна, туалет, сушилка, гардеробная. Внутренняя лестница соединяет второй уровень с двумя комнатами, выходящими на улицу, одной комнатой, выходящей на двор, и вторым совмещенным санузлом. Мансардные окна «Велюкс». Индивидуальное газовое отопление. Напольная плитка в местах общего пользования, в комнатах паркет. Кладовка в подвале
€1 360 000

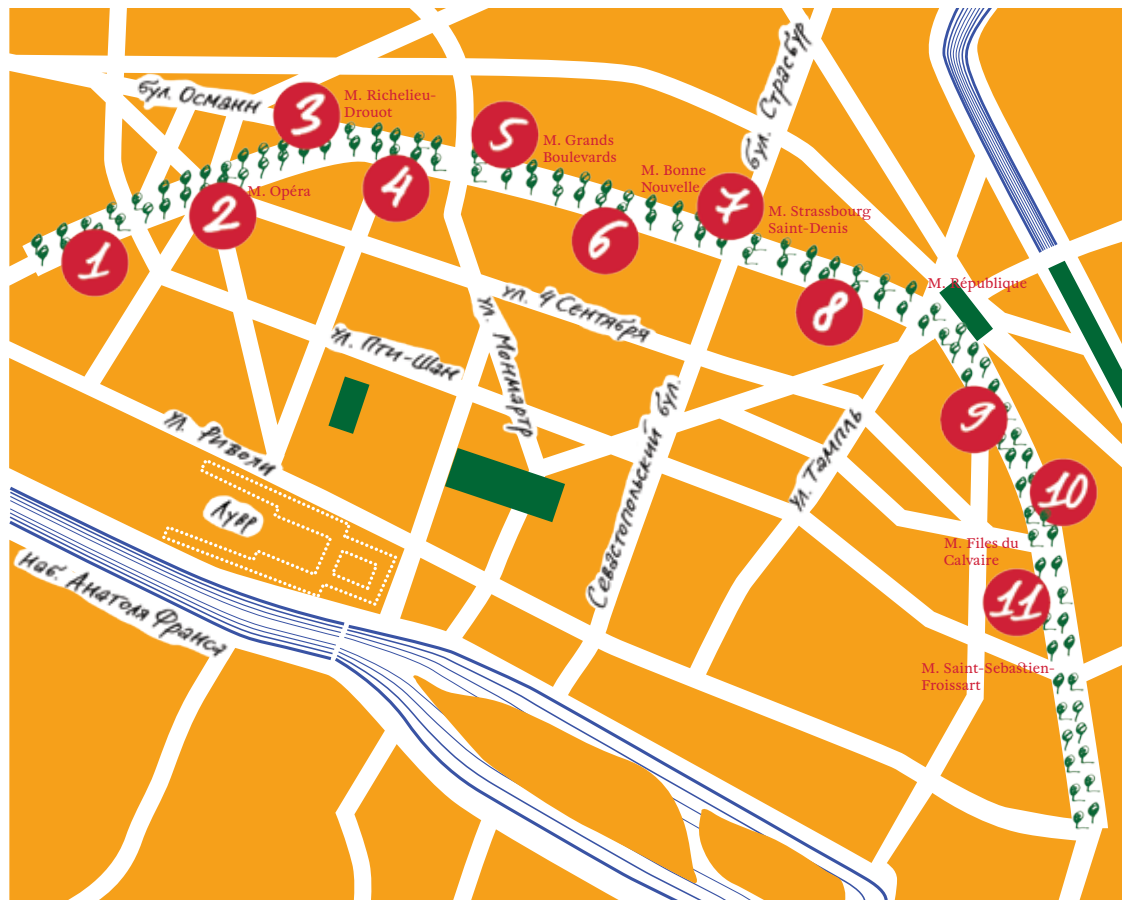
Квадратный метр на бульваре Капуцинок стоит в среднем **€9318**

Бульвар Мадлен, очень красивое здание, автостоянка, превосходное состояние и охрана, четвертый этаж с лифтом. Полно солнца, вид ничто не загромождает, приятнейшая двухкомнатная квартира 52 кв.м, а именно: прихожая, гостиная, спальня, ванная, кухня с современным оборудованием, два санузла, большие окна и двери, превосходное состояние
€682 500

Бульвар Бон-Нувель, пятый этаж с лифтом, никаких соседей напротив, окна на юг. Прелестная квартира 60 кв. м, терракотовая половая плитка, внешний деревянный брус, прихожая со встроенным шкафом, ванная. Современное оборудованная кухня, спальня, солнечная гостиная. Близко от метро
€450 000

ББ. (Les Grands boulevards)

Кольцевые насыпи — «Пояса Парижа» впервые появились в конце IX века из-за набегов викингов, в 1190 году при короле Филиппе Августе была построена стена. Сolidные укрепления на правом берегу Сены были сооружены во второй половине XIV века при Карле V Мудром, а потом известный нам по приключениям мушкетеров король Людовик XIII Справедливый в первой половине XVII века построил на их месте «Желтые рвы».

К 1660 году эти фортификации пришли в негодность. Да и после завоеваний Людовика XIV в них вообще отпала нужда. Стены были снесены, рвы зарыты. Была построена широкая дорога, вдоль которой посадили ряды деревьев. «Пояс Парижа» из доспеха стал украшением.

Архитектор Пьер Бюлле по приказу Короля-Солнца создал так называемый «Новый курс»: прогулочное пространство, располагающее к беззаботному фланированию и развлечениям. В восточной части променада были построены шикарные отели и банки, западная часть была предназначена для народных увеселений: театров, балов, цирков, ресторанов, которые плодились с умопомрачительной быстротой.

«Бульварный дух» завораживал парижан. Вокруг ворот Сен-Мартен появлялись театры, которые ставили увлекательные пьесы-однодневки для непритязательной публики, зевающей в академических театрах. Любовь-кровь, страсти-мордасти — бульварный театр вырос из ярмарочного балагана. Порой актеры слишком входили в роль — **7** бульвар дю Тампль, бульвар Храма, молва переделала в Преступный бульвар — благодаря деяниям, свершавшимся на подмостках.

Первые синемаграфы составили конкуренцию бульварным театрам. Вскоре подтянулась бульварная литература, и тут такое началось...

К концу XVIII века путь замостили, в начале XIX века его осветили электрическими фонарями. В 1828 году была пущена первая конка «Мадлен-Бастилия».

А когда на месте ненавистой парижанам Стены Откупщиков и Стены Тьера (внешних по отношению к Большим бульварам колец, построенных в конце XVIII и начале XIX веков) тоже были проложены бульвары — жизнь вообще наладилась. Правда, началась понятийная путаница: считать ли их частью Больших бульваров или нет? И что с бульваром Османа, где столько модных магазинов с притягательными витринами? Все-таки строго в понятие «Les Grands boulevards» по-прежнему включают только участки «Нового курса».

1 Бульвар Мадлен (boulevard de la Madeleine)

2 бульвар Капуцинок (boulevard des Capucines), любимый французскими импрессионистами (и российскими кинематографистами). Здесь в доме №35 в ателье фотографа Надара состоялась первая выставка импрессионистов: Эдуарда Мане, Клода Моне, Огюста Ренуара, Камиля Писсарро

и других художников. Здесь же находится знаменитый концертный зал «Олимпия»;

3 Итальянский бульвар (boulevard des Italiens), где расположен театр «Опера Комик», раньше именовавшийся итальянским театром.

4 бульвар Монмартр (boulevard Montmartre). Назван в честь квартала Монмартр, его неистощимый

источник путаницы. Интересны пассаж Жоффруа (магазины игрушек, восточных товаров, книги о театре и кино) и музей восковых фигур Гревэн;

5 бульвар Пуассоньер (boulevard Poissoniere);

6 бульвар Бон-Нувель (boulevard Bonne Nouvelle) Здесь в доме №38 находится театр Gymnase — один

из старейших театров на Больших бульварах (открыт в 1820 году);

7 бульвар Сен-Дени (boulevard Saint Denis) и **8** бульвар Сен Мартен (boulevard Saint-Martin), известные своими прославляющими Людовика-Солнце триумфальными арками. В доме №16 — театр Porte Saint-Martin, в котором ставились романтические пьесы Александра Дюма и

Поэзия

На Больших бульварах жили Александр Дюма, Виктор Гюго, Эмиль Золя, Ги де Мопассан, Марсель Пруст, Шарль Бодлер, по бульварам то и дело слонялись их герои. Оноре де Бальзак создал даже труд: «История и физиология парижских бульваров от площади Мадлен до Бастилии». Борис Виан не хотел помирать, не прогулявшись предварительно в платье по Большим бульварам (стих «Не хотел бы я сдохнуть»).

Эдит Пиаф воспела «Преступный бульвар».

Но всемирную славу Les Grands boulevards обрели после знаменитой песни Ива Монтана. Ее перепел Леонид Утесов, текст переведен Михаилом Светловым: «Я так люблю в вечерний час кольцо больших бульваров обойти хотя бы раз...»

Виктора Гюго. Сара Бернар играла здесь в спектаклях «Дама с камелиями» и «Жанна д'Арк»; **10** бульвар Голгофских Дев; и **11** бульвар Бомарше, там прежде находились лавки старьевщиков.

Никитский
бульвар

>

Московские факты

протяженность
бульваров —
более 9 км

самый длинный
бульвар —
Тверской (857 м)

самый широкий
бульвар —
Страстной (123 м)

самый короткий
бульвар —
Сретенский (214 м)

рисунок решеток
на каждом
бульваре свой

пьющий журавль
на Чистых прудах,
шолоховские
кони на Гого-
левском, Пегас
у Есенина... Всего
14 памятников

Страстной
бульвар
и памятник
Пушкину

>

Чистопрудный
бульвар

<

Покровский
бульвар

>

Петровский
бульвар

>>

Парижские факты

общая протяженность **Больших бульваров** — 4,6 км

а вот **бульвар Османа**, который иногда причисляют к **Большим бульварам**, длиной почти 2,5 км. Один

в утренние часы движение достигает интенсивности от **2000**

до **2300 машин** в час (замерено в районе ворот Сан-Мартен)

на бульварах **29** тумб с театральными афишами, **34** газетных киоска, 101 мусорная урна, **277** уличных фонарей, **45** входов в метро, **677** деревьев

Маргарита Новикова

бульвар Сан-Дени

Мария Арендт

бульвар дю Тампль

Маргарита Новикова

Маргарита Новикова

бульвар Гренель

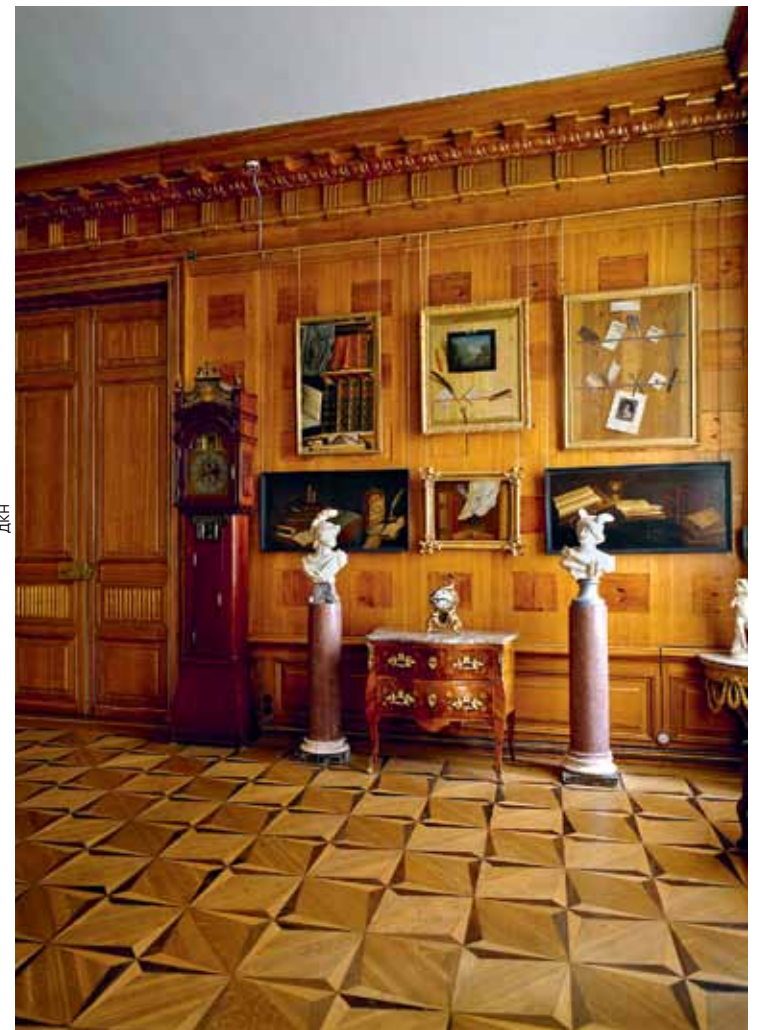
интерьерная литературщина

подготовил Элиша Зинде

Охранять надо было бы не только внешность исторического памятника, но и интерьер. Но именно с интерьерами в Москве особенно плохо. Последняя аутентичная обстановка сохранялась до недавнего времени в усадьбе Мураново, но после пожара и этого не осталось. Таким образом, в задачу реставратора и охранителя теперь, к сожалению, входит не сохранение интерьера, а максимально приближенное к действительности восстановление, желательно с использованием элементов и технологий соответствующего времени. Усадьба Кусково, на создателей которой заметное влияние оказали петербургские пригороды (Царское Село, Ораниенбаум), была восстановлена еще при советской власти.

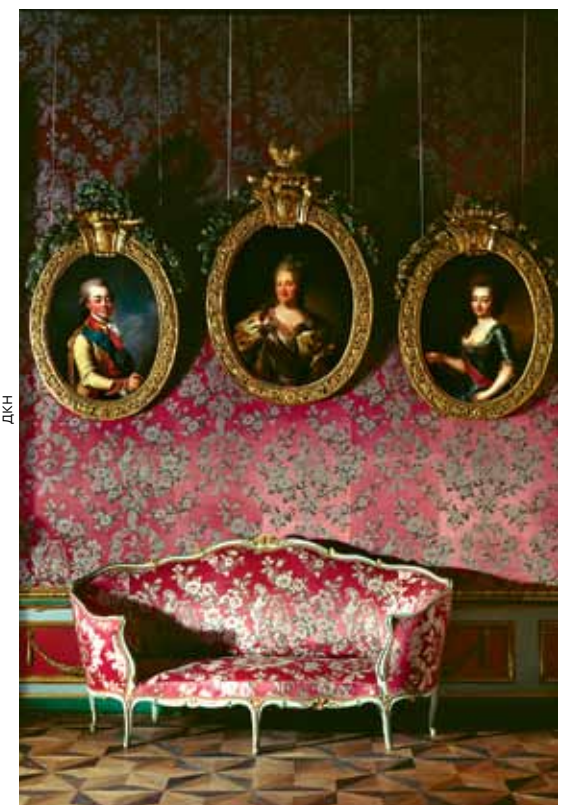
Брат его сидел далеко за полночь в своем кабинете, на широком гамбсовом кресле, перед камином, в котором слабо тлел каменный уголь. Павел Петрович не разделся, только китайские красные туфли без задков сменил на его ногах лаковые полусапожки. Он держал в руках последний номер *Galignani*, но он не читал; он глядел пристально в камин, где, то замирая, то вспыхивая, вздрагивало голубоватое пламя...

И.С. Тургенев. *Отцы и дети*

Салон был лучшего тона, меблирован и обставлен не симметрически по старому обычаю, не диваном с круглым столом и двенадцатью креслами по сторонам, но по новой системе возрождения, или паленгинезии вкуса. В приятном поэтическом беспорядке были разбросаны по цветнику ковра разные сидения: виз-а-ви (диванчик на двоих) и лежанки, на рессорах, с пружинками, с ножками на колесах для удобства подъезжать друг к другу, с винтами для унижения и возвышения, с нежными ручками, на которые не положи руки своей, и с спинками без прислону.

А.Ф. Вельтман. *Приезжий из уезда, или Суматоха в столице*

В семь с половиной в вестибюле завыл гонг. Он первый вошел в празднично сверкающую люстрой столовую, где уже стояли возле столика у стены жирный бритый повар во всем белом и подкрахмаленном, худощекий лакей во фраке и белых вязанных перчатках и маленькая горничная, по-французски сублинная. Через минуту молочно-седой королевой, покачиваясь, вошла тетя в палевом шелковом платье с кремовыми кружевами, с наплывами на щиколках, над тесными шелковыми туфлями, и наконец-то она. Но, подкатив дядю к столу, она тотчас, не оборачиваясь, плавно вышла, — студент успел только заметить странность ее глаз: они не моргали. Дядя покрестил грудь светло-серой генеральской тужурки мелкими крестиками, тетя и студент истово перекрестились стоя, потом именинно сели, развернули блестящие салфетки. Размытый, бледный, с причесанными мокрыми жидкими волосами, дядя особенно явно показывал свою безнадежную болезнь, но говорил и ел много и со вкусом, пожимал плечами, говоря о войне, — это было время русско-японской войны: за коим чертом мы затеяли ее! Лакей служил оскорбительно-безучастно, горничная, помогая ему, семенила изящными ножками, повар отпускал блюда с важностью истукана. Ели горячую, как огонь, налимью уху, кровавый ростбиф, молодой картофель, посыпанный укропом. Пили белое и красное вино князя Голицына, старого друга дяди.

И.А. Бунин. *Темные аллеи*

На улицу выходила «анфилада» парадных комнат. Зала, большая, пустая и холодная, в два-три окна на улицу и четыре во двор, с рядами стульев по стенкам, с лампами на высоких ножках и канделябрами по углам, с большим роялем у стены; танцы, парадные обеды и место игры в карты были ее назначением.

Затем гостиная тоже в три окна, с неизменным диваном и круглым столом в глубине и большим зеркалом над диваном. По бокам дивана — кресла, козетки, столики, а между окон — столики с узкими зеркалами во всю стену. Все это было сделано из орехового дерева и обито шелковой материей. Всегда вся мебель была покрыта чехлами. Впоследствии даже и в Старой Конюшенной стали появляться разные вычурные «трельяжи», стала допускаться фантазия в убранстве гостиных. Ни в годы нашего детства фантазии считались недопустимыми, и все гостиные были на один лад. За большой гостиной шла маленькая гостиная с цветным фонарем у потолка, с дамским письменным столом, на котором никто никогда не писал, но на котором зато было расставлено множество всяких фарфоровых безделушек. А за маленькой гостиной — уборная, угольная комната с громадным трюмо, перед которым дамы одевались, едучи на бал, и которое было видно всяким входившим в гостиную в глубине «анфилады».

князь П.А. Кропоткин. *Записки революционера*

Что снести в Москве?

Какие сооружения вам не хотелось бы оставлять в наследство?

подготовил **АЛЕКСЕЙ КИРИЛЛОВ**, иллюстрация **РОДИОНА КИТАЕВА**

Ирина Роднина, трёхкратная олимпийская чемпионка, десятикратная чемпионка мира по фигурному катанию:

Я бы снесла в Москве несколько зданий — жуткое архитектурное сооружение на углу Патриарших прудов. Я не знаю, что это, но здесь мне видится какой-то Хичкок в архитектуре, абсолютно противоестественный московской архитектуре. Обязательно снесла бы памятник Петру и половину новоделов в центре Москвы. Они абсолютно не соответствуют не только духу и характеру Москвы, но в первую очередь проявляют неуважение к городу с огромной историей, к людям, которые живут здесь. К сожалению, в последнее время в Москве все строится с целью заработать, а не сберечь. Сейчас мы много ездим по миру, видим, как берегают Париж, Рим и другие европейские города. Если что-то строится, то строится в духе этого города. Если есть новые кварталы, то они совершенно другие и далеко от исторической части города. У нас, к сожалению, все наоборот — у нас нет финансовой бедности, у нас бедность идей. Идет самое примитивное зарабатывание денег, причем без всякого угрызения совести. А земля дороже в центре, вот там все и строят.

Лев Хасис, старший вице-президент Walmart:

Девятиэтажки начала 1970-х — они не являются украшением города и жилищем XXI века. Другое дело, где жить людям. Многочисленные киоски и ларьки тоже портят город. И хотя многие люди попутно покупают там что-то, делать это не советую. Пирожок может оказаться последним.

Юрий Кобаладзе, советник главного управляющего директора X5 Retail Group:

Памятник Жукову перед историческим музеем, новую гостиницу «Минск» на Тверской и здание почтамта в начале Нового Арбата. Мне кажется, что это уродливые сооружения, которые не несут в себе никакой эстетики и функциональности. И конечно, не должно быть ни в каком виде гостиницы «Москва». Там ничего не надо строить, чтобы открылся прекрасный вид на потрясающую площадь между Тверской, Большим театром и площадью Революции, чтобы ничего не заслоняло входа в историческую часть Москвы.

Валерия, певица:

Памятник Петру. Я с самого начала негативно относилась к этому творению — не понимала, почему выбрано именно это место для памятника и зачем нужен вообще такой громадный памятник в центре Москвы. Это произведение просто уродовало набереж-

ную. Стиль Москвы должен быть единым, выдержанным. Туристы, приезжающие в Москву, должны почувствовать, что они в Москве, и не только гуляя по территории Кремля, а везде. У Москвы, к сожалению, пропал дух. Даже идя по Тверской, порой теряешься — где ты? В России или в Европе? в США? Только подняв голову, понимаешь: сталинские дома, значит, мы в Москве. Этого быть не должно. В Париже сохраняют свой стиль, свои замки, свои старинные особняки, а у нас, кроме церквей, везде хаотичность. Поэтому надо навести порядок в историческом центре города и снести все, что мешает гармонии. А хайтек перенести за пределы исторической части, тогда это будет оправданно, красиво и современно.

Иосиф Кобзон, депутат Госдумы:

Здания с потрескавшимися стенами, пришедшие в аварийное состояние. Другой вопрос, нужны ли на их месте торговые комплексы и возводимые бизнес-центры.

Александр Иоффе, президент Ассоциации малого и среднего предпринимательства:

Я бы снес Кремлевский дворец съездов — это далеко не лучшее украшение древнего Кремля.

Татьяна Веденеева, телеведущая:

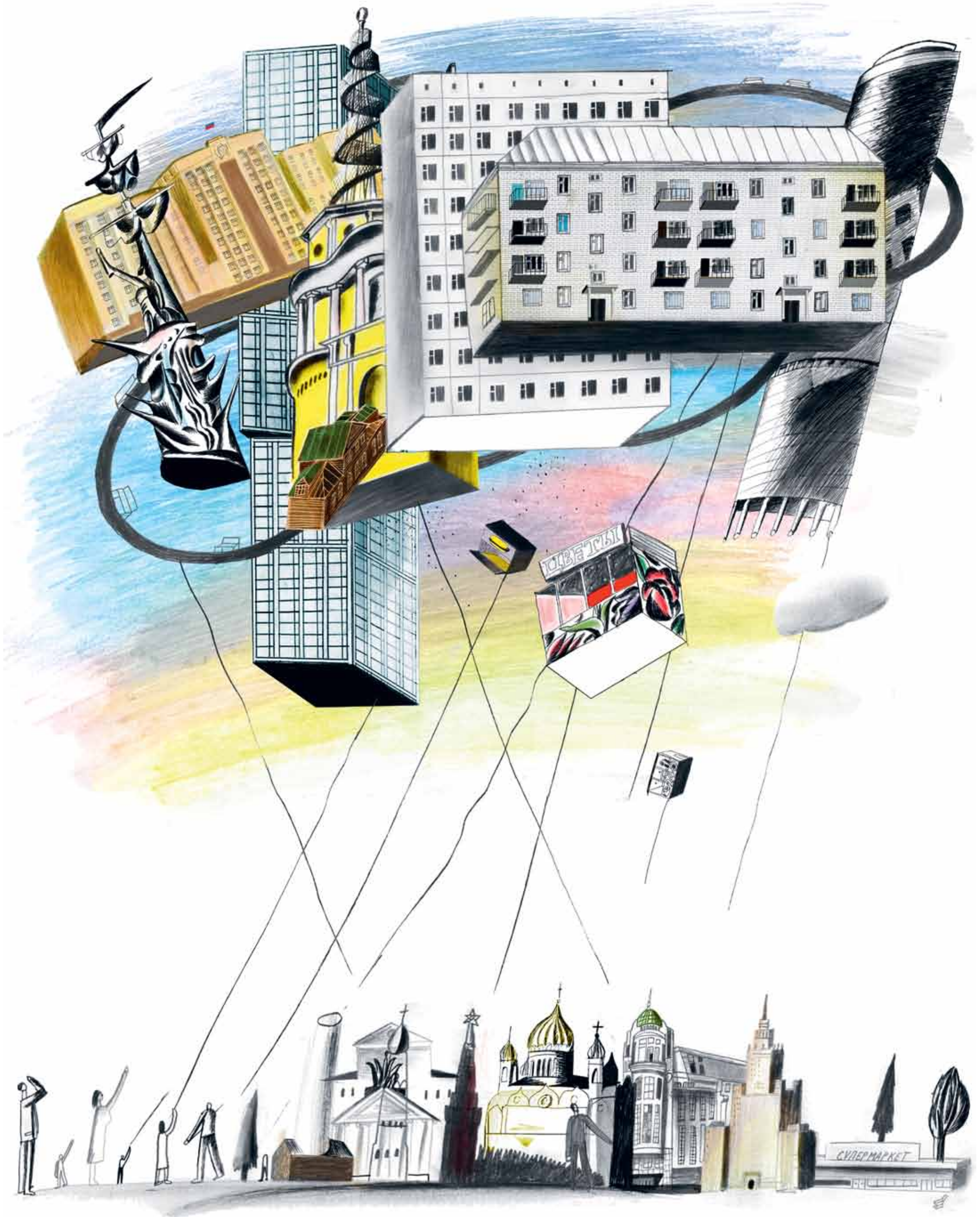
Кучу башенок на крышах домов. Их лепят где попало, начиная с жилого комплекса «Эдельвейс» и заканчивая почти всей новой застройкой центра. Ужасно раздражает. Ощущение, что ты в Диснейленде.

Алексей Кортнев, лидер группы «Несчастный случай»:

Лучше просто прекратить ломать все, что еще уцелело, подождать хотя бы лет пять. Петра I я бы тронул в последнюю очередь. Он хотя бы не мешает.

Дмитрий Торбинский, футболист:

Промзону в районе Капотни. Я родился в Норильске, и в памяти до сих пор остались эти неприглядные трубы по всему городу, из которых валит дым, где неприятный воздух и все выглядит запущенно. Когда я проезжаю мимо Капотни, я сразу же вспоминаю о родном Норильске, поэтому снес бы в первую очередь эти предприятия, а на их месте построил жилые комплексы и парки. Также, наверное, хрущёвки, выглядят они некрасиво, да и подчас просто разваливаются, и гораздо примечательнее было бы видеть на их месте современные эффектные дома.

если бы вы формировали тематический парк «маленькая Москва», что бы в него включили?

текст **АЛЕКСЕЙ КИРИЛЛОВ**, иллюстрации **АННА ЖУРКО**

Александр Ф. Скляр, музыкант:

Москва — уникальный город с большим количеством примечательных зданий, поэтому я бы предложил внести в проект много идей. Однозначно все московские высоты, знаковые музеи, такие как Третьяковка и Пушкинский, и уж как минимум два памятника: Пушкину и Гоголю. Еще бы предложил Большой театр, планетарий, ВДНХ, да даже Останкинскую башню, которая смотрится анахронизмом, но, безусловно, является знаковой частью нашего прошлого. Такой проект мне нравится, я ничего плохого в нем не вижу. Другой вопрос — где его расположить и в каких масштабах реализовать. Я бы его построил в каком-нибудь парке, где-нибудь в центре Москвы.

Владимир Ресин, первый заместитель мэра Москвы:

Кремль, Большой и Малый театр, Исторический музей, знаменитые московские кладбища и современные здания. На мой взгляд, проект город в миниатюре не должен состоять только из исторических зданий. Москва — город контрастов, поэтому этот город должен быть показан именно таким. Кроме того, я бы еще обязательно поместить бы в эту «маленькую Москву» лесопарковые зоны. В Москве 17 000 гектаров земли занимает зелень, поэтому если мы хотим показывать Москву в миниатюре, то зеленую часть города игнорировать тоже нельзя.

Александр Пороховщиков, народный артист России:

Старый Арбат, но без современных новоделов, здание ГУМа и ЦУМа. А еще я бы в проект «город в миниатюре» поставил стометровый памятник доллару и рублю. Это было бы полным олицетворением того, что сейчас делается в Москве.

Эти денежные знаки стали идолами современной Москвы, именно им сейчас поклоняются. А все духовное из Москвы ушло.

Ирина Антонова, директор ГМИИ имени А. С. Пушкина,
заслуженный деятель искусств России:

Конечно же, Пушкинский музей и весь музейный городок со всеми парковыми территориями. Безусловно, Кремль, Большой театр должны войти в проект «маленькая Москва», но не надо забывать и музеи Москвы, они тоже давно стали визитной карточкой нашего города. И туристы, приезжая в Москву, также спешат посетить Музей имени Пушкина, Третьяковскую галерею и много-много других разных музеев и театров. Москва — культурная столица, поэтому помимо исторических объектов в проекте «маленькая Москва» должны быть и культурные объекты города.

Мирослав Мельник, председатель совета директоров ГК «Бета групп»:

Патриаршие пруды. Обязательно их включил бы. Там какая-то интересная, потрясающая энергетика. На мой взгляд, мы многое в этой жизни осознаем энергетическим путем, и с этой точки зрения Патриаршие очень интересный уголок. Да и архитектура там очень оригинальна и узнаваема. В каждом городе, я думаю, есть такие места со своей особой энергетикой.

Михаил Хазанов, архитектор:

Поскольку затея обывательская, то нужны устоявшиеся во времени архитектурные сооружения. Кремль, собор Василия Блаженного, Большой театр, ГУМ, высотка МИДа или дом на Котельнической набережной, Останкинская башня, «Москва-сити», если точнее — «Город столиц». Надеюсь, в этот список в ближайшее время войдут также дом на Мосфильмовской Сергея Скуратова и дом правительства Московской области, спроектированный мною. К сожалению, пока что знаки новой Москвы очень размыты, хотя строили в последние годы много.

Левон Оганезов, музыкант, композитор:

Я как коренной москвич и как человек, у которого в семье были архитекторы, считаю, что в Москве есть множество зданий, которые достойны того, чтобы их воспроизвести. Во-первых, конечно, все наши «сталинские» высотки, которые очень характерны для Москвы. Особенно Университет — это очень красивое здание. Но есть в Москве и множество зданий, которые приятны именно мне, и было бы здорово, если бы хотя бы некоторые из них оказались в «маленькой Москве». Например, Дом приемов, который Савва Морозов вроде бы подарил балерине Кшесинской. Дом Пашкова — изумительное здание. Может быть, Коломенское, но после воссоздания оно очень проиграло в архитектурном смысле. Есть изумительный домик «Чай-кофе», располагающийся на улице Кирова, которую теперь переименовали в Мясницкую. Очень красивый комплекс — дом «Россия» на Сретенском бульваре, который был построен еще в конце XIX века. А также бывшее здание Центросоюза, построенное французским архитектором Ле Корбюзье.

Большая Никитская. спиной к Кремлю

наблюдения **ЕВГЕНИЯ ПОПОВА** (Из цикла «Моя Москва»), фотографии **ВАСИЛИЙ ПОПОВ**

барельеф, украшающий подстанцию московского метрополитена на месте снесенного Никитского монастыря

книжная лавка напротив Московской консерватории им. Чайковского

Осень. Странные мысли осеняли меня, когда я, став спиной к Кремлю, брел прочь от него по улице Большая Никитская, которая и при Советах тоже не скверно именовалась — улицей Герцена. Ведь Герцен Александр Иванович никому ничего плохого не сделал. Не то что какой-нибудь там Ульянов или, упаси Боже, террорист Красин Леонид, у которого улицы новые власти почему-то не отобрали, равно как и у других красных чертей типа Петра Войкова, убившего последнего русского царя... или Николая Подвойского, прославившегося изобретением советской пятиконечной звезды и ордена Красного Знамени. У Пушкина, у Чехова улицы отобрали, у Лермонтова — целую станцию метро, а этим большевикам — хоть бы хны! Такова, товарищи, живительная сила коммунизма, которого ни осиновый кол, вбитый в его могилу, не берет, ни серебряная пуля!

Но я в тот день не об этом думал. А о том, что если бы сбежал от коммунистов из СССР, например, в 1980 году, в Америку, например, или еще куда, «где чисто, светло», то Москву бы, возвратившись, не сразу бы признал за свою. Здесь ведь капитализм теперь кругом, в Бога верят. В доме №1, где когда-то Роман Виктюк ухитрился поставить пьесу запрещенной тогда Людмилы Петрушевской, теперь церковь святой мученицы Татианы, где часто служит знаменитый на всю страну о. Владимир, известный мне с юных

Но поскольку я не отъехал в Забугорию, а прожил здесь всю свою сознательную жизнь, то внешние московские изменения прошли для меня незаметно

лет под именем Володя Вигилянский, сотрудник журнала «Огонёк».

Но поскольку я не отъехал в Забугорию, а прожил здесь всю свою сознательную жизнь, то внешние московские изменения прошли для меня незаметно и огорчают меня значительно меньше, чем изменения внутренние.

Ибо сильно охамел московский народ от капитализма, науки и техники. Особенно лица женского пола, которые визгливо орут в трубку мобильного телефона на общественном транспорте, сообщая городу и миру многие ненужные подробности своей растительной жизни, пиво тянут из жестяных банок в троллейбусе. Сильно меня это огорчает, равно как и то, что для художественных фильмов Москву нынче теперь снимают большей частью в Ярославле да Костроме, как поведал мне великий кинорежиссер современности Вадим Абдрашитов.

Ведь если даже Большую Никитскую взять, которая, по всеобщим утверждениям, мало изменилось, то вот, пожалуй, — в доме №12 на углу Газетного переулка гостиницу выстроили, где самый дешевый одноместный ночлег стоит 5400 руб., а самый дорогой (одноместный) — 15 500. Так что Америку мы уже все-таки обогнали, как о том мечтал тов. Хрущев. Но обогнали пока только по ценам. И это бы все ничего, пусть платит тот, у кого такие деньги есть, но,

Большая Никитская — путь к Консерватории

церковь св. Татианы, где служит о. Владимир Вигилянский, пресс-секретарь Московской патриархии

по Большой Никитской везут аутентичный строительный материал

реконструкция исторического наследия стыдливо затянута сеточкой

И все-таки мне кажется, что самое жуткое все-таки миновало, и российское цунами 1917 года не до конца размывало наш дивный отечественный пейзаж

увы, постмодернистский стеклянный фасад сей гостиницы весьма, на мой взгляд, странен для такого заповедного района. Или вскоре тоже к нему москвичи притерпят, как притерпелись ко многому другому в этой нашей новейшей жизни?

Ну, например, к тому, что на этой же улице, дом 19/16, под покровом, как говорится, ночи был в ночь с 18 на 19 июня сего года снесен бесстрашными бульдозеристами флигель усадьбы Глебовых-Стрешневых-Шаховских. Повозмущались, конечно, не без этого. Но угадайте даже не с трех, а с одного раза, понес ли кто-нибудь наказание за это варварское событие, получившее в народе название «Ночь длинных ковшей»? Правильно угадали, никто не понес.

Хотя и здесь можно поговорить о преемственности поколений. Отцы и деды хладнокровно разломали в 30-е годы теперь уже прошлого XX века Никитский женский монастырь, давший название Большой Никитской и существовавший здесь с конца XVI века до самого до социализма, а чем же внуки-то хуже (лучше)? На разоренном и намоленном месте монастыря была построена электроподстанция метрополитена, однако правильно гласит народная советская пословица, возникшая в кругах, далеких от клерикализма: «Бог не фрайер». Ибо барельеф на этом доме 7/10 (арх. Д. Фридман), знаменит на всю Москву весьма непристойным (если правильно присмотреться) изображением счастливых метростроевцев, что страшно веселило всех нас, когда мы были молодыми и гуляли по этой улице среди скуки застойного тоталитаризма. А чего, спрашивается, было веселиться от такой чепухи, как экзотический похабный ракурс советской скульптурной агитки? Но и грустить не хотелось, ведь уныние — крупный грех для православного.

Ну и на этом я свое ворчание прекращаю, буду дальше все хвалить, потому что улицу Большую Никитскую я с упомянутой шестидесятнической юности и люблю, и почитаю — учился здесь неподалеку в Московском геолого-разведочном институте им. С. Орджоникидзе, ходил через нее в Ленинскую, теперь Российскую библиотеку, где в читальном зале с 1963 по 1968 год мне, студенту, за просто выдавали те книжки, которые чуть позже дружно пере-

кочевали в «спецхран». Например, первое издание романа Эренбурга «Хулио Хуренито» с главой «Великий инквизитор», посвященной — кому бы вы думали? Вождю мирового пролетариата В. И. Ленину посвященной, на что вождь, согласно мемуарам «Люди, годы, жизнь», нисколько не обиделся на «Лохматого», как именовал тогдашний эмигрант Володя Ульянов тогдашнего эмигранта Илюшу Эренбурга. Видите, как все сначала мирно начиналось: жили в Париже, пили красное вино, мечтали о наилучшем устройстве. Это уж потом озверели, принялись все крушить и ломать так, что отдельные индивидуумы до сих пор остановиться не могут.

И все-таки мне кажется, что самое жуткое все-таки миновало, и российское цунами 1917 года не до конца размывало наш дивный отечественный пейзаж. Ну, взять хотя бы обыкновенную московскую улицу Большая Никитская, о которой я сегодня веду речь.

Сколько на ней все же осталось дивных этих зданий, взор веселящих и сердце радующих. Перечислить? Так не имеет смысла, это во всех справочниках указано, стало общим местом: в доме №15 имажинист Сергей Есенин со товарищи открыл книжную лавку, желая снискать себе честное пропитание на излете военного коммунизма. А вот и Зоологический музей, дом №6, место действия ехидного сочинения Михаила Булгакова «Роковые яйца», вот дом №46, где автор, проживая на антресолях служебного помещения школы, которой заведовала его сестра, и сочинил этот свой пророческий текст о профессоре Персикове и гигантских рептилиях, которые чуть было не погубили Москву, вот газета «Гудок», располагавшаяся тогда в Хлыновском тупике — Булгаков там работал литературным правщиком и фельетоны для денежек сочинял, как это делали тогда же в «Гудке» Ильф и Петров, Бабель, Паустовский, а значительно позднее Александр Кабаков.

...Консерватория с загадочным и бронзовым Петром Ильичем Чайковским, загородившимся от любопытствующих ладошкой...

...Дивная церковь Малого Вознесения напротив консерватории и англиканская церковь в глубине Вознесенского переулка...

часть Москвы,
где еще есть что
зарисовать

писатель
Евгений Анато-
льевич Попов
выпивает
и закуывает
на Большой
Никитской

памятник На-
талии и Алек-
сандру Пуш-
киным веселит
голубей своими
нелепыми про-
порциями

стеклянный
фасад весьма
странен для
такого заповед-
ного района

...Особняки Меншикова, Орлова, Брюса, а в Леонтьевском переулке, около здания ИТАР-ТАСС, выстроенного в 1976 году, особняк великого Константина Станиславского, куда советское правительство бережно поместило маэстро в далеком 1921 году...

...Театр имени Маяковского, который теперь снова становится модным московским местом, потому что туда пришел недавно новый главный режиссер, всемирно известный Миндаугас Карбаускис, «Геликон-опера», театр Марка Розовского на месте бывшего кинотеатра Повторного фильма и легендарной шашлычной «Казбек», Клуб писателей, Еврейский культурный центр, размещенный в особняке бывшего комсомольского культурного центра, о котором среди окрестных обывателей ходили темные слухи о якобы творящихся там партийно-сексуальных оргиях... Много еще чего интересного, занятого и поучительного есть на Большой Никитской улице, но я свое это затянувшееся перечисление прекращаю, потому что, честное слово, лучше самому разок по этой улице пройтись, чем читать эти мои (или чьи угодно) заметки. Ведь здесь что ни дом, то история — и в прямом, и в переносном смысле. В храме преподобного Феодора Студита, дом №29, генералиссимус Суворов на клиросе пел, в церкви Вознесения Господня в Сторожах, у Никитских Ворот («Большое Вознесение») Александр Сергеевич Пушкин венчался с Натальей Николаевной Гончаровой, и прожили-то потом, бедные, вместе всего лишь неполных шесть лет, в доме №26 помещался крепостной театр генерал-майора Позднякова, который и сам не чурался во время спектаклей и маскарадов переодеться то в индуса, то в индейца. Ведь это чуть ли не о нем писал в «Горе от ума» Грибоедов:

*«...Сам толст, его артисты — тощи.
На бале, помните?
Открыли мы вдвоем
За ширмами в одной
Из комнат посекретней...
Сидел там человек и щелкал соловьем
Певцу зимой погоды летней...»*

Да что там дома, здесь и с памятниками творятся чудеса. Бронзовый Алексей Толстой, «красный граф», которому поэт Юрий Кублановский посвятил свои нелюбимые строки, удивительно полюбился местным голубям и бомжам, памятник-фонтан «Наталья и Александр», подаренный скульпторами Бургановыми москвичам в 2006 году, еже-

Отцы и деды хладнокровно разломали в 30-е годы теперь уже прошлого XX века Никитский женский монастырь, давший название Большой Никитской

дневно веселит их своими нелепыми пропорциям, а вокруг памятника Клименту Аркадьевичу Тимирязеву, неизвестно по какому случаю поставленному именно на площади Никитских Ворот, вообще соткалась легенда. Якобы во время фашистского авианалета на Москву во время Второй мировой войны взрывная волна аккуратно перенесла памятник через Большую Никитскую, где он и встал ровно, прямо, на том же постаменте, но глядя в совершенно противоположную сторону, чем это было задумано скульптором Меркуровым и архитектором Осиповым. С легкой руки Булгакова, что ли, или Маяковского, но местные жители до сих пор упорно именуют памятник «Тимерзяевым».

...Гулять по этой улице, заговаривать со старожилками, которых, слава Богу, пока еще не всех выселили на окраины столицы, а то и вообще за кольцевую дорогу расплывшейся гигантской Москвы, что может быть питательнее для души, поучительнее для ума?

Перекусить, выпить водочки в одном из бесчисленных пищевых заведений Большой Никитской — уютных кафешек, рюмочных, ресторанчиков — что может быть полезнее для организма, уставшего от напора, ритмов, бешенства и сумасшествия свалившегося нам на голову XXI века?

Думаю, что самый главный урок, который каждый желающий может получить здесь, заключается лишь в том, что жизнь во всей нашей стране, в том числе и на Большой Никитской улице, была, есть и будет, какие бы гримасы лик этой жизни ни искажали, что «жизнь опять побеждает неизвестным образом», как некогда выразился ленинградец Даниил Хармс, не имеющий ровным счетом никакого отношения ни к Большой Никитской, ни к нынешним «питерским», наполнившим Москву...

Гражданская архитектура

Большой Кремлевский дворец.
Императорские покои

Гостиница
«Ленинградская»

Гостиница
«Украина»

Большой зал
Московской консерватории

Торговый дом
Московского
купеческого общества

Торговый дом
С.М. и П.М. Третьяковых

Городская усадьба

Главный дом
городской усадьбы
XVIII–XIX вв

Дом, в котором жил
один из организаторов Северного
общества М. Ф. Митьков

Дом, начало XIX в.,
с палатами XVII в.

Дом жилой (палаты),
XVIII–XIX вв

Жилой дом XVIII–XIX вв

Жилой дом с палатами,
кон. XVI–XVII вв

Городская усадьба А.И.Онучина,
Д.Е.Тверитинова, Г.А.Тембоза

Палаты бояр Волковых
(дворец Юсуповых)

Промышленная архитектура

Театр для рабочих – с 1909 г.
кабельная мастерская,
конец XIX–начало XX вв

Монументальное искусство

Аллегорические
скульптуры «Вода» и «Земля»

Могила Н. П. Огарева

Памятник Минину
и Пожарскому

Могила М. А. Светлова

Монумент в честь покорителей
космоса с памятником
К. Э. Циолковскому

Скульптура
«Рабочий и колхозница»

К О Н К У Р С

Культовое зодчество

Лютеранская
кирха

Церковь Знамения
на Шереметьевом
дворе

Церковь Рождества
в Старом Симонове

Церковь Святого Георгия
из Архангельской
области

М О С К О В С К А Я

Ансамбль
Ивановского монастыря

Археологическое наследие

Стена
Белого города

Теплые торговые ряды

Фундаменты храма
Преображения Господня

Р Е С Т А В Р А Ц И Я

Садово-парковое искусство

Парк
«Сокольники»

Царская усадьба
Измайлово

2 0 1 1

Правительство
Москвы

Департамент
культурного
наследия
города Москвы

речка-невидимка

текст Элиши Зинде, графика Елены Новоселовой

Земля мегаполиса стоит слишком дорого по сравнению с водой. Кто знает, может, в будущем под асфальтом окажутся Москва-река и Яуза? Или их пересекут сотни новых мостов с офисами и магазинами? Подобные идеи — пока фантазия, но вот план создания подземно-подводных парковок под Москвой-рекой обсуждался вполне серьезно. Что касается примеров, когда столичная земля одерживала победу над столичной водой, то первый, самый очевидный и знаменитый — Неглинка. Она же Неглиная, она же Неглимна, она же Самотека. По поводу происхождения ее названия единого мнения у ученых нет. Речка с непонятным названием — крупнейшая подземная река Москвы. В энциклопедиях принято определять ее длину в семь с половиной километров, но с учетом притоков (например, не известных широкой публике речек Капельки и Напрудной), дополнительных русл и труб точную цифру назвать сложно. Какой бы она ни была, все эти километры — ниже уровня асфальта, в коллекторах, построенных в разные исторические эпохи, или же просто засыпаны.

Чтобы увидеть Неглинку, надо обращаться за помощью к диггерам или спелеологам. Если же у вас нет знакомого диггера, то из фильма под названием «Неглинная» можно увидеть лишь слово «конец». Два раза. «Конец» и «конец». Если смотреть на Александровский сад из Замоскворечья,

с Софийской набережной, в районе Большого Каменного моста, то можно увидеть спрятанное за полукруглой решеткой старое русло реки. Пройдя примерно километр параллельно кремлевской стене (на противоположной стороне) и попав с Софийской набережной на Раушскую, надо встать спиной к гостинице «Балчуг-Кемпински» и посмотреть в сторону несуществующей гостиницы «Россия» — увидите, где заканчивается новое русло.

Впрочем, есть альтернатива. Вдоль Неглинной по всему ее протяжению, от истока до впадений в Москва-реку можно прогуляться посуху. Над рекой. По всему маршруту названия улиц и площадей будут подсказывать, когда вы идете верной дорогой. Еще одной подсказкой будет рельеф местности — с горки вода, как известно, течет вниз. Если приглядеться, то можно заметить, что на некоторых участках (в основном в самом начале реки) улицы заметно шире среднероссийских стандартов — это тоже подсказка.

Сколь несложно найти два конца реки Неглинной, столь же трудно обнаружить начало. По наиболее популярной версии, речка вытекала из Пашенского болота, точное месторасположение и точные размеры которого неизвестны. Болото засыпали землей, вынутую при строительстве первой линии московского метро. Мало того что засыпали, так еще сверху поставили фабрик, автосервисов, строились временок, заборов — не подобраться. Говорят, даже гараж ФСБ где-то тут. Очень приблизительные ориентиры южного края болота, из которого

вытекала речка, таковы. Дальняя от центра сторона Сушевского Вала, составившего ранее часть Камер-Коллежского Вала. Где-то между домами 31 и 33, за заборами. Зато, перейдя вал по подземному переходу, легко обнаруживаем продолжение маршрута. Новосушевская улица. Слишком широкая. И хотя название улицы легко выводится из новой Сушевской слободы (была такая, как и старая), нельзя исключить и другую версию — новая улица Сушевской слободы, возникшая там, где была вода. Произошло это в 1914 году. И почти сразу же на улице, почти у самого вала откры-

ся электротheater «Мир». Маленькое двухэтажное здание, облицованное плиткой. В эпоху Брежнева его называли кинотеатром «Салют». Здания больше нет.

1

Дойдем по Новосушевской до Перуновского переулка (языческий бог тут ни при чем, был такой домовладелец Перунов). Переулок переходит в улицу Достоевского, бывшую Новую Божедомскую (Божедомку). Здесь, в левом флигеле Мариинской больницы, 30 октября

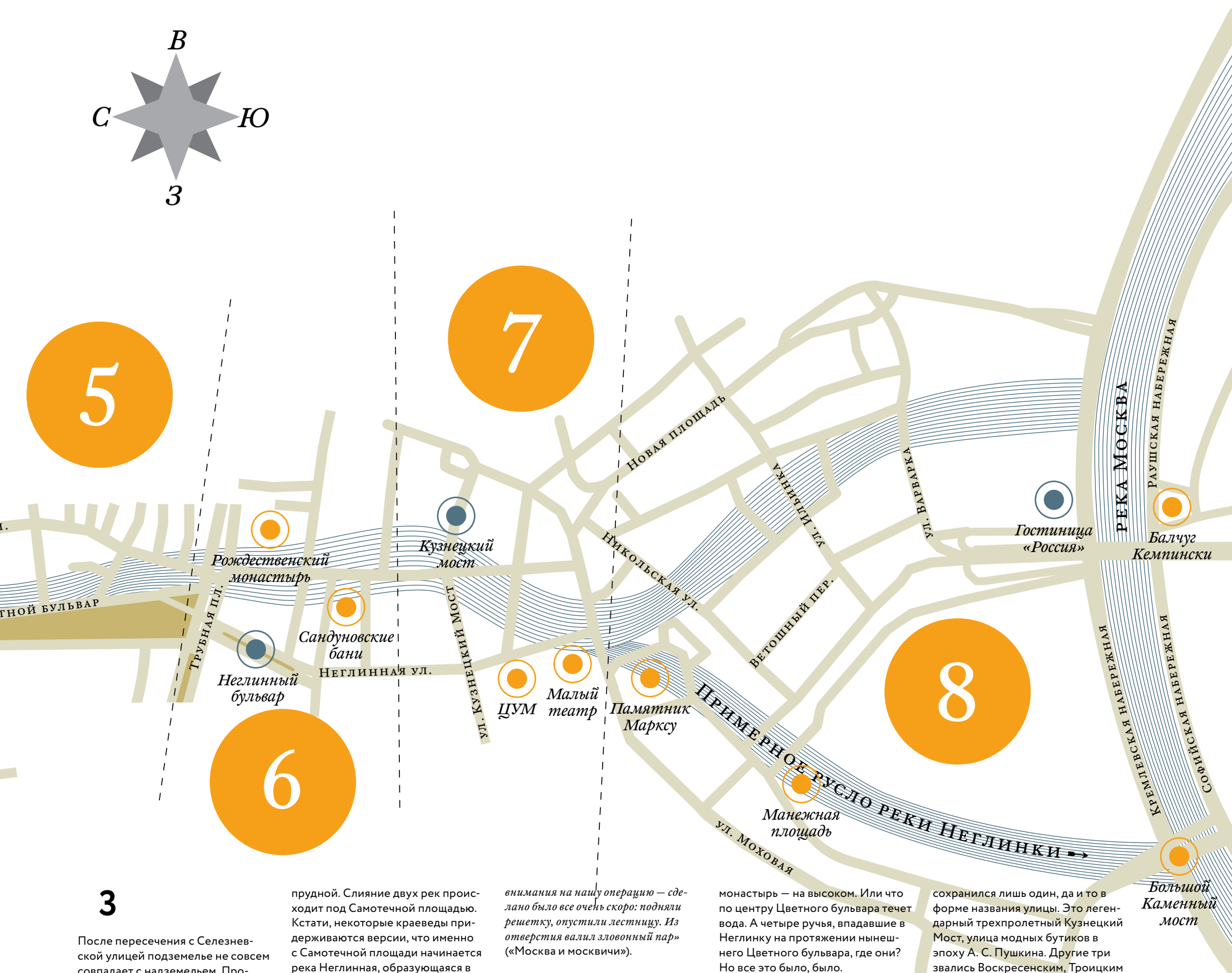
1821 года (по старому стилю), в семье штаб-лекаря Михаила Достоевского родился сын Федор. Проживший почти до совершеннолетия в Москве Федор мог видеть Неглинку, не спускаясь в подземелье (впрочем, и Марьяна Роща при нем была рошей, а в Неглинских прудах водилась рыба).

2

В XIX столетии речка пересекала Перуновский переулок. Вверх по течению (под нынешней Новосушевской улицей) был один пруд,

чуть ниже по течению — второй, располагавшийся между Новой Божедомкой и Селезневской улицей.

Сделав небольшой крюк через переулок Достоевского, выходим на пересечение Селезневской и Новосушевской. Совсем рядом будут Селезневские бани, вторые (после Сандуновских) по возрасту в Москве. Существуют Селезневские бани, когда-то звавшиеся также Самотецкими, с 1851 года, ранее в них мылись водой из Неглинских прудов. В существующих с 1808 года Сандунах, кстати, тоже когда-то использовалась вода Неглинки, хоть и недолго.

3

После пересечения с Селезневской улицей подземелье не совсем совпадает с надземьем. Продолжая путь по 3-му Самотечному переулку, представим, что река уже не под нами, а чуть южнее. Двигаемся, как подсказывает название, самотеком, ориентируясь по топониму же — идем к Самотечной улице. Но движемся не сразу, сначала делаем остановку. На углу 3-го Самотечного со 2-м Щемилевским переулком находится Антроповский сквер и маленький прудик, почти лужа. Исторически лужа должна зваться Антроповой ямой. Это — единственный сохранившийся из дюжины прудов, когда-то связанных с Неглинкой. Правда, в современный пруд ничто не втекает и ничто из него не вытекает, даже под землей.

Дошли до Самотечной. Речка — под Екатерининским парком (в советское время носившим непроизносимое имя «парк ЦДСА»), между улицей и Олимпийским проспектом. До 1930-х годов парк был гораздо просторнее и красивее (в парке есть информационный стенд, который об этом подробно рассказывает). Вместе с частью парка и прудами сгинула церковь Иоанна Воина Крестовоздвиженского монастыря.

В парке есть пруд, но относится он не к Неглинке, а к другой подземной (ныне) реке — На-

прудной. Слияние двух рек происходит под Самотечной площадью. Кстати, некоторые краеведы придерживаются версии, что именно с Самотечной площади начинается река Неглинная, образующаяся в результате слияния рек Напрудной и Самотеки.

4

Под Садовым кольцом два коллектора — старый и новый, дореволюционный и послевоенный. На другой стороне Садового кольца находится Цветной бульвар. Если верить диггерам-спелеологам, то в новом коллекторе можно гулять вдоль подземной речки по широким тротуарам. Старый прославил Владимир Алексеевич Гиляровский: «Мне не трудно было найти двух смельчаков, решившихся на это путешествие. Один из них — беспаспортный водопроводчик Федя, пробавлявшийся подневной работой, а другой — бывший дворник, солидный и обстоятельный. На его обязанности было опустить лестницу, спустить нас в клоаку между Самотекой и Трубной площадью и затем встретить нас у соседнего пролета и опустить лестницу для нашего выхода. Обязанность Феди — сопутствовать мне в подземелье и светить. И вот в жаркий июльский день мы подняли против дома Малюшина, близ Самотеки, железную решетку спускного колодца, опустили туда лестницу. Никто не обратил

внимания на нашу операцию — сделано было все очень скоро: подняли решетку, опустили лестницу. Из отверстия валил зловонный пар» («Москва и москвичи»).

5

Цветной бульвар до того, как на нем стали торговать цветами, назывался Трубным. После Трубной площади он переходил в Неглинный бульвар (который сегодня называется не бульваром, а улицей).

С названием Трубной площади существуют две версии. Первая — название возникло после того, как в 1817–1819 годах, в ходе реконструкции сожженной Наполеоном Москвы, Неглинку на протяжении 3 км упрятали в подземный коллектор, «трубу», которая очень уж сильно воняла. Сторонники второй версии полагают, что еще гораздо раньше «трубой» москвичи называли закрытое решеткой отверстие, пробитое в стене Белого города, через которое протекала Неглинка. Стена Белого города просуществовала с 1590 по 1770 год, на месте разобранной стены возникло Бульварное кольцо.

6

Стоя сегодня на Трубной площади лицом к Рождественскому монастырю, сложно представить, что ты — на низком берегу реки, а

монастырь — на высоком. Или что по центру Цветного бульвара течет вода. А четыре ручья, впадавшие в Неглинку на протяжении нынешнего Цветного бульвара, где они? Но все это было, было.

Первый раз Неглинку заставили изменить русло по плану, подписанному Екатериной II в 1775 году, но воплощенному в жизнь лишь в 1792 году. Рядом с рекой (в 13 метрах к востоку) был прокопан открытый канал шириной в сажень (2,13 метра), по берегам которого устроены бульвары — «приятные гульбища для охотников прохаживаться». Чистую воду же стали подавать в Москву по водопроводу из Мытищ (и в Сандуновских банях стали использовать именно ее).

Старое русло Неглинки было засыпано.

Канал, как уже упоминалось, был убран под землю в 1819 году, оставив свой след в московском фольклоре — «Эй, длинный, где канал Неглинный?». Но еще в период существования канала в открытом виде под Трубной площадью, между двумя бульварами речка Неглинка текла по трубе. Вот вам и третья версия топонима.

А еще, чтобы совсем всех запутать, упомянем, что в Неглинку когда-то впадала речка Трубная.

7

Из четырех мостов, когда-то существовавших на Неглинке,

сохранился лишь один, да и то в форме названия улицы. Это легендарный трехпролетный Кузнецкий Мост, улица модных бутиков в эпоху А. С. Пушкина. Другие три звались Воскресенским, Троицким и Петровским.

После Кузнецкого Моста движемся к ЦУМу и Малому театру (театр стоит там, где был когда-то Петровский мост). Подземный переход. Памятник Марксу, а за ним — фонтан. Он перенесен туда с Лубянской площади, где некогда был любимым местом сбора московских извозчиков.

8

Здесь река раздваивается. Построенный в 1966 году в целях борьбы с периодическими затоплениями новый коллектор уносит воды реки налево (под Никольской улицей и Варваркой), после чего Неглинка впадает в Москву-реку. Старый («сухой») коллектор уходит направо. Если пойти направо, попадем на Манежную площадь. Остерегайтесь подделок! То, что вы видите рядом с торговым комплексом «Охотный ряд» — просто вода, искусственный пруд, никакого отношения к Неглинке не имеющий.

случай «Военторга»

В этой публикации представлены официальные документы, рассказывающие об истории исчезновения здания «Военторга». Построено оно было в 1910–1913 годах архитектором Сергеем Залесским для Гвардейского экономического общества. В советское время это был крупнейший военный универмаг: можно было купить все — от погон до пищевых продуктов. Когда о сносе «Военторга» стало известно, поднялась волна общественного возмущения, не давшая результата. Утрачены интересные фасады со скульптурным декором и интерьер со знаменитой парадной лестницей

экспертная оценка
дохода от использования
нового здания
составляет свыше
\$88 млн в год

торгово-офисный
центр класса А на месте
«Военторга» занимает
1-е место в списке топ-10
бизнес-центров Москвы
с самыми высокими
арендными ставками по
версии Penny Lane Realty

ОП

ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

17 июня 2003 года N 439-ПП

О реконструкции строений
по адресу: ул. Воздвиженка,
д. 10/2 и Б. Кисловский пер.,
д. 4

В связи с важным градостроительным значением сохранения в историческом центре Москвы зданий бывшего Центрального военного универсального магазина по адресу: ул. Воздвиженка, д. 10/2, стр. 1, 2, 3, 4 и Б. Кисловский пер., д. 4, стр. 3-4, а также учитывая прекращение в них хозяйственной деятельности, Правительство Москвы постановляет:

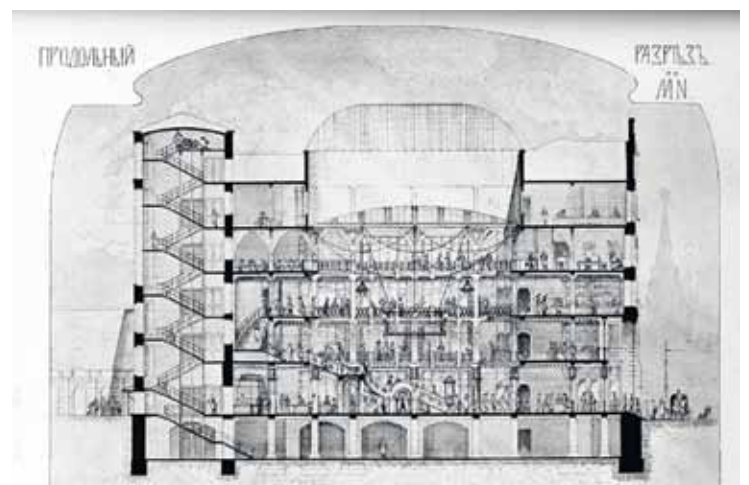
1. Принять предложение Департамента градостроительной политики, развития и реконструкции города Москвы и ОАО "Торговый дом "Центральный военный универсальный магазин" (ОАО "ТД "ЦВУМ") о проведении в 2003–2005 годах реконструкции зданий по адресу: ул. Воздвиженка, д. 10/2, стр. 1, 2, 3, 4 и Б. Кисловский пер., д. 4, стр. 3-4 общей площадью 18011,7 кв.м, со сносом всех строений, принадлежащих ОАО "ТД "ЦВУМ" на правах собственности, с сохранением наиболее ценных архитектурных элементов фасада при проектировании и строительстве торгово-офисного комплекса и подземного гаража-автостоянки ориентировочной площадью 67 000 кв.м, за счет собственных и привлеченных средств.

2. Принять к сведению, что ОАО "ТД "ЦВУМ":

2.1. Осуществит работы по разборке всех строений для подготовки площадки к строительству и выносу инженерных коммуникаций до разработки исходно-разрешительной и проектной документации.

2.2. Разработает в Москомархитектуре исходно-разрешительную документацию на строительство торгово-офисного комплекса в течение двух месяцев.

2.3. Разработает проектную документацию и утвердит ее в установленном порядке.

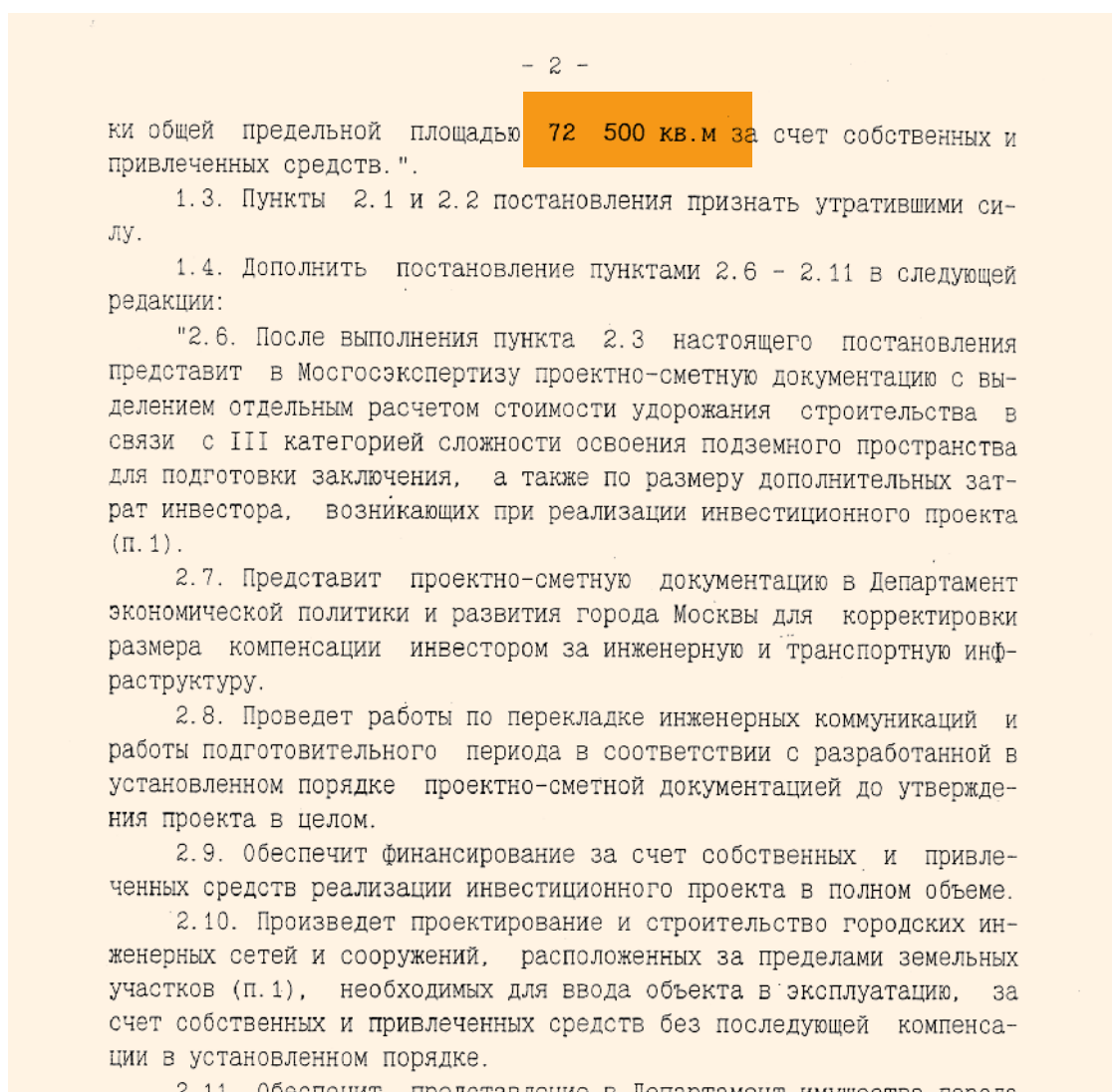
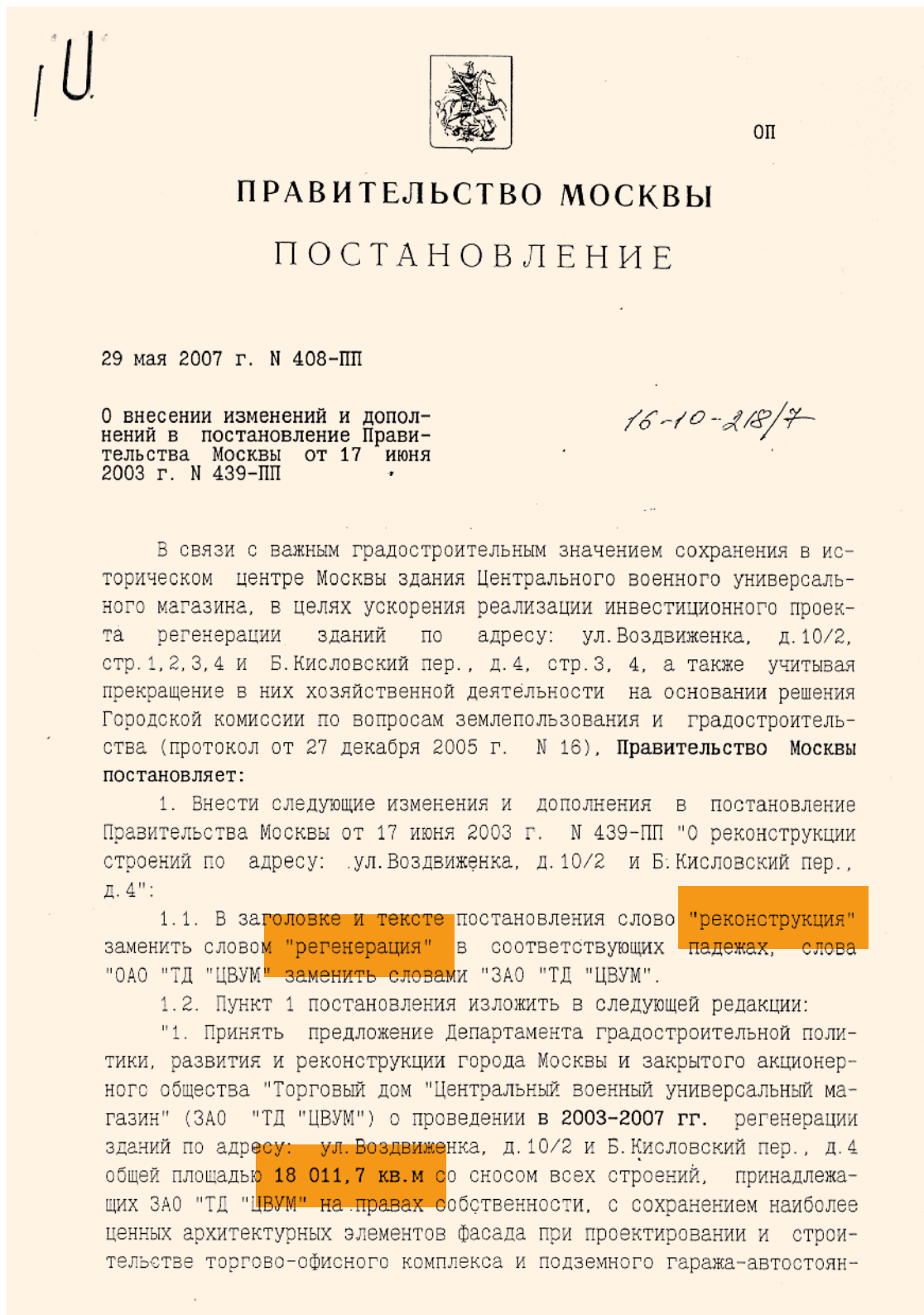
общая площадь для коммерческого использования — **66 700 кв. м**, офисная площадь — **26 981 кв. м**, **540** машиномест

город должен был получить \$10,2 млн по инвестконтракту в компенсацию затрат на строительство инженерной и транспортной инфраструктуры

строительство 1 км наземной однополосной дороги в Москве обходится в \$10 млн

на \$10 млн можно возвести большую усадьбу порядка 500 кв. м из кирпича на участке земли в 50 соток на Рублевке

ГНЕЗДО архитекторов

текст **МАРИИ ТРОШИНОЙ**, фотографии **ИВАНА СКОРИКОВА**

В комплекс зданий МАРХИ на Рождественке входят несколько зданий, имеющих общий адрес Рождественка, 11.

В начале XVIII века участок принадлежал А. П. Волынскому — кабинет-министру императрицы Анны Иоанновны, на месте основного корпуса института располагались каменные палаты по проекту известного архитектора того времени П. М. Еропкина. Остатки этих палат можно увидеть, посетив подвалы МАРХИ. В 1739 году Артемий Волынский, как и П. М. Еропкин, был казнен, а усадьба взята в казну. В 1742 году земли были возвращены семье, их владельцем стал сын А. Волынского Петр, а после его смерти — дочь Артемия Мария. Ее муж, граф И. И. Воронцов, перестроил и расширил усадьбу. Объем старых палат был включен в новое более крупное здание, главный дом получил классицистический облик — шестиколонный ионический портик и пластичные скругленные ризалиты на заднем фасаде, по сторонам двора были выстроены флигели, а по линии Кузнецкого Моста — каменные лавки, сдававшиеся внаем. Несомненно, что проект разрабатывался выдающимся архитектором своего времени (варианты: Львов, Бланк, Казаков). Усадьба занимала обширную территорию, ограниченную улицами Рождественка, Кузнецкий Мост и Неглинная, а также Сандуновским переулком.

В 1793 году большую часть владений купила И. И. Бекетова и отдала половину своему пасынку, известному издателю П. П. Бекетову. В 1809 году усадьба была приобретена государственной казной для московского отделения Императорской Медико-хирургической академии, а в 1843–1845 годах участок был передан клиникам Московского университета. Главное здание было капитально перестроено: перепланированы внутренние помещения боковых крыльев (все три этажа заняли палаты для больных, анфиладная система сменилась коридорной), фасады лишились лепного декора, коринфский ордер колонного портика сменился более скромным ионическим. После перевода клиник на Девичье Поле в 1890 году участок был разделён: его часть, обращённая на Неглинную (территория усадебного сада, не имевшая построек), отошла Московской конторе Государственного банка. Часть владения, на которой располагались усадебные здания — главный дом, два симметричных флигеля и хозяйственные постройки, оказалась в распоряжении Строгановского училища с Художественно-промышленным музеем. По проекту С. У. Соловьева были значительно изменены как интерьеры, так и внешний облик здания. Именно в это время здание получило нынешний фасад «дворца искусств» — классицистический портик разобрали, окна были растесаны, появились керамические панно по ренессансным мотивам. Реконструкция была частично выполнена на деньги, вырученные от продажи П. М. и С. М. Третьяковыми части усадьбы, обращённой к Кузнецкому Мосту.

На углу Рождественки и Сандуновского переулка появился новый трёхэтажный корпус в духе академического неоренессанса, в котором разместились канцелярия и квартиры служащих Строгановского училища, а также московский Совет торговли и мануфактур (арх. С. У. Соловьев).

Левый флигель, оказавшийся на границе участка, был сохранён и реконструирован Ф. О. Шехтелем в 1904 году для размещения ткацкой мастерской и магазина Строгановского училища.

В 1914 году по проекту А. В. Кузнецова к северу от главного здания был возведен пятиэтажный корпус из монолитного железобетона — первое здание такого типа в Москве. Во время Первой мировой войны здесь размещался госпиталь московского кредитного общества великой княгини Елизаветы Федоровны.

После революции комплекс был отдан 2-м Государственным свободным государственным художественным мастерским (СГХМ), реорганизованным в 1920 году во ВХУТЕМАС (с 1927 года ВХУТЕИН). В дальнейшем (1930 год) на его базе был организован Архитектурный институт, который размещается здесь до настоящего времени.

В новом («кузнецовском») корпусе с 1935 по 1978 годы размещалось Министерство высшего образования, затем здание было полностью передано МАРХИ.

во дворе у фонтана

Александр Александрович Цыбайкин,
доцент кафедры жилых зданий МАРХИ, архитектор

Вы помните, как вы в первый раз попали в МАРХИ, про свои ощущения? Это было очень давно, я учился в техникуме, и мой друг притащил меня в мастерские, где сидела зарождающаяся кафедра дизайна, сидели люди, олицетворявшие остатки хиппи, сильно джинсовые, волосатые. Они творили какие-то чудовищные вещи, как мне тогда казалось. Они расплавляли гипс, пластилин и потом чистые подрамники этим заляпывали. Я был поражен. На следующий день я вернулся — долго бродил здесь и запутал в этих кабинетах и коридорах, везде были развешены проекты.

Когда вы стали понимать ценность этого здания как памятника архитектуры? Когда я поступил в институт, в конце первого курса для выставки в Венеции мне пришлось делать фасады главного здания один к двум для биеннале. Нас была целая группа. Это была последняя выставка при Советском Союзе. Макет был 6 на 6 м. Поэтому помимо эстетического фасада произвел на меня впечатление трудовое.

Для вас важно, что это здание — памятник архитектуры? Для меня прежде всего это какая-то большая часть жизни. И люди, конечно, без людей никак нельзя. И очень важно само это место — вся эта история, которая связана со зданием, с его интерьерами, с тем, что здесь творилось.

А что раньше здесь творилось? Если покопаться в истории, то, например, это здание не горело, когда был пожар наполеоновской Москвы, так как французы охраняли весь квартал на Кузнецком мосту — здесь были французские магазины. Они здесь квартировали: на втором этаже стояли лавки, на лавке спал Дюма-отец, а под лавкой спал Стендаль. Позже в Красном зале, когда в доме расположилась медицинская академия, был анатомический театр. Там резали трупы, и сюда приходил Чехов.

Откуда вы все это знаете? Когда давно находишься в одном месте, то начинаешь интересоваться.

А что вы можете сказать о Кузнецовском корпусе? Это первое в Москве монолитное железобетонное здание. Это был новаторский проект, потому что Кузнецов был новатором. А по стилю оно уникально тем, что сделано на грани между модерном и конструктивизмом. Для меня этот корпус связан с реконструкцией пятого этажа, так как я участвовал в ней вместе со своим руководителем, Некрасовым Андреем Борисовичем, главным архитектором проекта. **И как вам работало с памятником?** Интересно было проектировать и работать, потому что здание не только историческое, в общем-то, — когда здание строилось, оно было новаторским. А значит, проектируя в нем что-то новое, надо не столько подделываться под старину, сколько олицетворять дух этого здания, что оно на шаг впереди в плане строительных и архитектурных приемов.

главный фасад.
Экседра на
заднем фасаде.
Волюта

«новый»
корпус
архитектора
Кузнецова

в коридоре главного корпуса

Кирилл Асс,
архитектор и художник, почасовой преподаватель

Я маленький был, когда впервые сюда попал, была выставка в Белом зале — отец, наверное, меня сюда привел, мне не очень понравилось: конторка такая.

Ощущение места меняется, когда здесь живешь. Одно дело гений места в 1990-е годы и теперь — это разное. Когда мы учились, были места, которые были особенно дороги: подвал, где был тир, винтовые лестницы смешные, которые сейчас обрублены кусками, подвал под библиотекой. Мы не знали, как какой корпус назывался, мы просто по ним шастали — и все. Загадочные места старого дворца — это привлекало. А дальше — Рождественский бульвар, Рождественский монастырь — это была загородная жизнь, где мы проводили немало времени. Там были художественные кафедры — рисунка, живописи, к примеру, какие-то люди жили в кельях, жизнь своя была, солнце светило ярче и вино стоило дешевле.

Как-то влияло на ваше пребывание здесь то, что это памятник архитектуры? Здание влияет, конечно, но совсем другими путями, не такими, как ожидаешь. Важно, что арочные проемы, важно, что шахты лестниц огромные, важно, что в Красном зале была советская мебель, стулья, в которых очень уютно сиделось.

Это важные детали, которые откладываются в голове и чему-то учат. Ремонт все несколько оевроремонтировал, но советский стиль зеленых стен мне был как-то теплее. Это тоже было отвратительно, но менее отвратительно, чем эта безликая штукатурка, которая к тому же разваливается на глазах.

Для вас важно, что институт находится в старых стенах с историей? Стены отличные. Стена метровой толщины — это совершенно другой разговор про архитектуру. Чувствуешь мясо этой жизни.

Очень важно, что здание принадлежит живописи, ваянию и зодчеству. На нем это написано большими буквами. Это то, что всасывается через кожу, то, что нужно ощущать, что нельзя взять и инсталлировать. Это целая плеяда легендарных преподавателей, и они принадлежат этому месту, их трудно представить вне его. И это не только в моей голове, это у нескольких поколений так. Редко какое высшее учебное заведение в Москве прожило на одном месте так долго. И то, что это архитектурный институт, эту укорененность архитектуры повышает.

А в вашей преподавательской практике здание помогает вам? Мы давали задания своим студентам — как сделать здание более удобным мелкими средствами, обмеры делаем — это очень телесная такая жизнь, связанная со здешними пространствами. Сейчас помещения выглядят до крайности неэффективными, и это очень важно, потому что архитектура не должна быть эффективной, она вообще не про это. Если смотреть на все внимательно, то это хорошо учит тому, как должна выглядеть и существовать архитектура. Поучительная история: особняк, превращенный в учебное заведение! И ничего: был особняком — стал учебным заведением.

Это удобно? Оно приспособлено для такой жизни? Любая функция умещается в любое помещение. Всё, что касается удобства, от людей зависит, от того, как люди свою жизнь организуют, а не от того, как пространство само по себе существует.

Студенты с энтузиазмом относятся к изучению собственного дома? Конечно, это гораздо наглядней для них. Открывается, у кого куда глаза смотрят, кто что замечает. Половину людей спросить, они не заметят, что здесь двери есть на лестницу. С преподавательской точки зрения важно учить их видеть, учить их архитектурному вниманию.

в вычислительном центре МАРХИ

Сергей Кулев,
работает в службе техподдержки

Я саппорт — занимаюсь тем, что чиню компьютеры, работаю здесь три или четыре года.

Что ты знаешь про здания, где работаешь? Я про историю МАРХИ знаю немного. В нашем третьем корпусе были какие-то лечебные заведения, лежали раненые солдаты. Тут ВХУТЕМАС раньше заведовал. Наше здание очень старое, но части комплекса строились в разное время.

Как живется в этом здании и есть какие-то особенности? Ну вот ремонт делали — у нас не очень видно, потому что до нас очередь не дошла. Фасады соседнего здания обновили, теперь к нам подбираются — учебные аудитории на верхних этажах уже переехали: там работы идут. Я часто хожу по институту — сколько здесь людей, столько здесь интернета, так что я везде хожу, по всем корпусам. Когда начали делать ремонт нашего флигеля, то забаррикадировали, закрыли коридор в соседний корпус — больше там ходить нельзя, приходится ходить через двор или через столовую.

Самому интересно полазить, посмотреть? Где можно ходить, там, конечно, ходили. А так некогда.

Удобно ли работать в памятнике архитектуры, есть ли какие-то сложности из-за этого? Ездить мне сюда удобно — центр города. Для меня важна работа — я здесь работаю, а что для меня еще может быть важно? Чтоб вода была, розетки на месте были. Как историческая ценность, это, наверное, важно кому-то, они этим и занимаются. Есть вот музей, есть галерея.

А ты был в музее МАРХИ? Ну конечно был. И в галерее ВХУТЕМАСа был. Там про Мухину были выставки, по поводу «Рабочего и колхозницы». Я ходил и смотрел.

А на макеты в музее обращал внимание? Зашел, посмотрел, там много экспонатов вхутемасовских. Увидел, оценил — из пластилина какие-то штуки слеплены. Я тут видел много макетов по институту, но я же их не делаю, но они прикольные, потому что прикольные.

декор
металлической
лестницы эпохи
модерна

чертежи
и планы в музее
Мархи

<

музей Мархи

> >>

галерея
Вхутемас (две)
в новом
корпусе Мархи

> >>

оригинальная
лестница
архитектора
Кузнецова

>

в коридоре первого этажа главного корпуса

Студентки второго курса

Вам нравится здание, в котором вы учитесь?

Ангелина: Да, я попала сюда в первый раз в день открытых дверей. Я из другого города. Мне здесь понравилось. Здание очень понравилось, архитектура.

Катя: На самом деле здесь очень атмосферно, стены на себе многое несут и многое помнят. Много лет его заполняли люди, преподаватели, сколько поколений архитекторов здесь воспиталось! Это место очень положительное.

То, что это памятник архитектуры,— это для вас что-нибудь значит?

Катя: МАРХИ — это среда, люди в первую очередь, здание напитывается этой энергетикой, эмоциями и разговорами. Какая она будет, зависит и от нас. МАРХИ — собрание чудесных людей под одной крышей. Это важно.

Что нибудь знаете про историю этого здания?

Женя: Это была огромная усадьба Воронцова. Она простиралась до реки Неглинной, потом реку закатали в трубы, были огромные сады, потом здание было и госпиталем, и принадлежало Строгановскому училищу, у нас вот в наследство печка осталась, петроградская. Нам про историю дома на дне открытых дверей рассказывали, на первое сентября, потом были поползновения в музей. Там потрясающие макеты реконструкции! Можно узнать, как все выглядело: про огромное подкупольное пространство напротив Красного зала, про то, что лестницы по-другому были устроены...

А знаете ли вы, что здесь есть остатки палат XVIII века, вы их видели?

Женя: Нет, нас не пускают в подвал.

на кафедре

Татьяна Олеговна Шулика,
доцент кафедры дизайна архитектурной среды,
20 лет работает в МАРХИ

МАРХИ расположен в памятнике архитектуры — как это помогает вам в работе? Когда я училась в МАРХИ, мне по жребии попала работа по истории дома, но тему пришлось сменить, так найти какие-то материалы в библиотеке в то время невозможно было. Много позже после работы в «Моспроекте» я вернулась в МАРХИ — работать ассистентом Александра Ермолаева, и мы занимались со студентами разработкой проекта реконструкции института. Еще раньше мы со студентами вместо типового клуба делали клуб МАРХИ. Затем была реконструкция официальная, когда открыли корбюзиянскую, как мы ее называем, колонну на третьем этаже. Была и реконструкция кафедры, которую делали своими руками, а затем реконструкция с привлечением средств, официальная.

Интересно, что когда Кузнецов строил этот корпус, в нашем помещении были бани, буквально в этой комнате. Здесь мыли раненых — я это по плану этажей вычислила сама. Вот так вот смешно — бани. И тут вот за стенкой есть вода, то есть когда делали реконструкцию, то здесь что-то обнаружили.

Мы-то считаем, поскольку мы кафедра средовая, что этот комплекс, его историю надо изучать студентам как первый проект, потому что здесь можно объяснять, как устроена архитектура. Если бы мы делали реконструкцию, то открыли бы больше конструктивных и материальных узлов. У нас сейчас кладка открыта, и это приятно, но открыта несколько декоративно, а можно сделать более по-сегодняшнему. Но спасибо, что так сделали — это уже много. Уже можно привлекать эти фрагменты и объяснять студентам, почему это хорошо.

Насколько эта историческая архитектура подходит для современного учебного процесса? Идеально подходит, если бы его использовали по назначению. В кузнецовском корпусе огромные классы с прекрасными большими витражами, в них хорошо творческими вещами заниматься, а сейчас это маленькие комнатухи, в которых в основном административные помещения. Для того чтобы сделать нормальную реконструкцию, надо заниматься всерьез только этим, это надо жизнь отдать! Или преподавать — или реконструкцией заниматься... Мы вносим свой вклад тем, что плотно работаем с музеем МАРХИ, проводим обмеры, помогаем с выставками.

витраж второй
половины
XX века

студенческие
макеты

возле зеркала на лестнице

Ксюша, студентка 3 курса

Вы что-нибудь знаете про здание, в котором учитесь? Ну, боюсь ошибиться. Мне кажется, я мало что могу сказать. Этот объект охраняется, потому что это архитектурное наследие Москвы. Из истории знаю, что здесь были архитектурные школы и художественные училища, а изначально оно принадлежало Воронцову.

Вы как-то ощущаете, что это памятник архитектуры? Это видно внутри — интерьер здесь необычный. И эмоционально ощущается — если бы это здание было современной постройки, то наверное, я училась бы по-другому. Корпуса совершенно разные, по-разному ощущаются. Вот парадная лестница основного здания — здесь зеркало, потолки высокие, ступени чугунные. И лестница в новом корпусе мне тоже нравится — просторно и свежо, много окон, остекление.

Мне здесь нравится учиться — местоположение хорошее и здание прекрасное. Здесь комфортно, хотя здание, и не предназначалось для учебы изначально, но здесь очень хорошо. Может, не хватает аудиторий или что-то не приспособлено, но это все можно улучшить.

в рисовальном классе

Сергей Георгиевич Снежко,
профессор кафедры рисунка

Вы здесь уже 35 лет, многое ли изменилось с тех пор? Здание выглядело лучше, когда я впервые попал сюда, потому что все стены были завешены проектами, сохранившимися со времен Императорского Строгановского училища, гипсовые обломы были — фрагменты античных храмов в натуральную величину плюс лучшие проекты всех курсов, а сейчас загадочные графики, планы эвакуации. Тогда не было такого неживого, мертвого пространства — все создавало правильную атмосферу. Вокруг полно было забегаловок, где встречались студенты разных художественных вузов — балетного, Щепкинского, Консерватории, и здесь было приятно общаться. Фонтан давно не работает. Его профессор Мельчаков нарисовал, но труба проржавела и все, хотя в принципе можно было бы его запустить. Подвальный этаж у нас раскопан — тут же усадьба Артемия Волынского оказалась. Здесь культурный слой в два метра с XVIII века.

А что значит для вас Кузнецовский корпус? При советской власти мы его не видели — там сидело Министерство высшего образования. А вообще, изначально это же мастерские Строгановского училища. Там наверху оранжерея была, лошадь белая там была, говорят, которую рисовали. Там занимались орнаментами — это одна из тем основных в Строгановке была. Врубель преподавал: приходил с букетом цветов, как рассказывают, и говорил: «Изобретаем орнамент на тему этих цветов», ну все пытели, не могли ничего, а он выдавал прям здесь серию орнаментальных мотивов.

Для вас важно, что это памятник архитектуры, его история? Да, важно, и вот почему. Преемственность культурных традиций — проблема номер один в российской культуре. Отсутствие этой преемственности приводит к деградации. Уровень студентов снижается с каждым годом, общая атмосфера нарушается. Архитектура превратилась из искусства в бизнес, в прагматизм. И стены обязаны быть, ведь это влияет на уровень образования и культуры, они воспитывают сами по себе. Вот Академия художеств в Петербурге — это атмосфера, потому что там преемственность не прерывалась. А что касается института, то это не единственное место, связанное с его историей. МАРХИ 25 лет занимал часть Рождественского монастыря. Наша кафедра сидела в церкви Николы в Звонарях. И представляете, когда отдали комплекс церкви — монахи произвели очистку, там оказалась над левой алтарной частью хорошая академическая копия ивановского «Явления Христа народу». Мы обалдели: столько лет рядом были и не знали.

Как вы думаете, может быть, стоит законсервировать здание, раз это памятник? Ни в коем случае. Совершенно необходимо, чтобы дом жил, и все могли это видеть, чтобы история продолжалась и творилась дальше.

ВЫХОД В ГОРОД

Департамент культурного наследия города Москвы в конце октября начал проводить цикл уникальных авторских экскурсий под названием «Выход в город». Концепция предусматривает прогулки (пешеходные или автобусные) по значимым историческим местам Москвы с посещением популярных и малоизвестных объектов культурного и исторического наследия. Гуляют по городу участники экскурсий в сопровождении выдающихся москвоведов и исследователей архитектуры Москвы: *Елены Овсянниковой, Николая Васильева, Дениса Ромодина, Сергея Мержанова*. Цикл состоит из 25 экскурсий, в том числе «*Федор Шехтель и московский модерн*», «*Архитектура авангарда и ар-деко в центре Москвы*», «*Семь высотных зданий Москвы*» и другие. Посетить одну или несколько экскурсий может каждый желающий. Для этого нужно лишь ознакомиться с расписанием прогулок, записаться по телефону и затем прийти в обозначенное время к месту начала экскурсии.

Контакты для записи на экскурсии:
+7 (499) 393 37 39, info@vihodvgorod.ru

ноябрь

Пешеходная,
метро «Кро-
поткинская»

25 ноября, пятница, 14:00 (3 часа)
Застройка бульваров: Гоголевский — Твер-
ской. С посещением дома торжеств Петра
Смирнова на Тверском бульваре
Николай Васильев

Пешеходная,
метро
«Чеховская»

26 ноября, суббота, 14:00 (3 часа)
Застройка московских бульваров: С посеще-
нием дома Страхового общества «Россия»
Сергей Мержанов

Пешеходная,
метро «Чистые
Пруды»

27 ноября, воскресенье, 14:00 (3 часа)
Застройка московских бульваров: Чисто-
прудный — Яузский. С посещением церкви
Троицы в Серебряниках
Сергей Мержанов

Автобусная,
метро «Крас-
ные Ворота»

27 ноября, воскресенье, 14:00 (3 часа)
Семь высотных зданий Москвы. С посещени-
ем музея-квартиры Улановой
Денис Ромодин

декабрь

Автобусная,
Белые Палаты
(ул. Пречистен-
ка, д. 1)

3 декабря, суббота, 14:00 (3 часа)
Историзм, модерн, русский стиль в архитек-
туре Москвы. С посещением дома Игумнова
на Якиманке (Посольство Франции)
Сергей Мержанов

Автобусная,
метро «Сокол»

4 декабря, воскресенье, 14:00 (3 часа)
Поселок «Сокол», застройка Песчаных улиц,
экспериментальные кварталы юго-запада
Москвы. С посещением Дома аспирантов
МГУ на ул. Шверника
Денис Ромодин

Пешеходная,
метро
«Динамо»

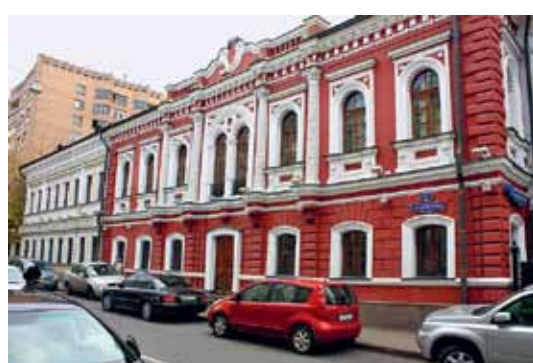
5 декабря Понедельник 16:00 (1,5 часа)
Петровский Путевой дворец
Денис Ромодин

Пешеходная,
метро «Спор-
тивная»

6 декабря, вторник, 16:00 (1,5 часа)
Новодевичий монастырь
Денис Ромодин

Пешеходная,
метро «Кро-
поткинская»

7 декабря, среда, 16 часов (3 часа)
Историзм и классицизм. Здания музеев.
С посещением дома Пашкова
Николай Васильев

**Русские поливные плитки
на изразцовой печи
XVIII века в палатах
Волковых (Юсуповых)
в Большом Харитоньевском
переулке**

Поливные плитки делались по голландским образцами имели исключительно декоративный смысл: многие из них составляли отдельные сюжеты, предназначенные для досужего чтения и рассматривания

журнал
Московское наследие
№16

Руководитель проекта
Александр Кибовский

Консультант проекта
Николай Ефимов

Координатор проекта
Николай Переслегин

Благодарность
Юля Хасия
Елена Кашина
Лариса Герасимова

Научный консультант
Владимир Седов,
доктор искусствоведения

Главный редактор
Яна Миронцева

Выпускающий редактор
Станислав Юшкин

Литературный редактор
Елена Брагинская

Корректор
Наталья Дзергач

Макет
Дизайн-бюро «Щука»

Дизайнеры
Наталья Жукова
Иван Васин
Иван Величко

Адрес редакции
115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 19
+7(495)637 40 43, +7(495)637 42 17

Учредитель
Правительство Москвы

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций
и охране культурного наследия
ПИ № ФС77-26667
от 18 декабря 2006 г

Издатель
ООО «Юник Системс»

Печать
ООО «РусАльфаМедиа»
Заказ №142

Тираж
7000 экз.

© Департамент культурного
наследия города Москвы, 2011

Перепечатка материалов журнала
невозможна без письменного
разрешения редакции

Мосгорнаследие сделает Москву достопримечательным местом

о новых подходах к сохранению памятников архитектуры Москвы
в интервью **Николая Переслегина** обозревателю **Ирине Мак**

Николай Переслегин
советник руководителя
департамента культурного
наследия города Москвы

Департамент культурного наследия организовал пресс-показы отреставрированных в этом году исторических зданий: усадьбы Соймонова на Малой Дмитровке, Музея Тропинина в Щетининском переулке, усадьбы Гончаровых на Яузском бульваре, Государственной Консерватории, Училища имени Гнесиных, Московского планетария, посольского особняка в Гагаринском переулке, особняка Муравьева-Апостола на Старой Басманной

- **Чтобы научиться ценить памятники, хорошо бы их узнать — правильно я понимаю ваш посыл?** В Конституции России сказано, что каждый гражданин обязан сохранять культурное наследие страны. В условиях незнания своей истории обязанность превращается в обязаловку. Первый шаг на пути к сохранению памятников — рассказать о них. Мы разработали экскурсионную программу «Выход в город» (*см. стр. 54* или *vibodvgorod.ru*). Экскурсии водят профессиональные реставраторы и профессора МАРХИ. За три дня записалось более 6 тысяч человек.
- **В списке маршрутов много зданий, не принадлежащих государству.** Трудно было уговорить собственников пускать к себе народ? Труднее всего было преодолеть сопротивление бюрократической машины. Но очевидно, что нынешние проблемы возникают именно из-за кризиса смыслов, из-за незнания людьми своего города.
- **Инвесторы тоже люди?** Инвесторы часто не понимают, почему нельзя на месте старого домика построить новодел и через десять лет заработать на этом миллионы. Зачем ему старье? Мы объясняем, что это наша культура, это красота... К тому же сносить памятники архитектуры запрещено законом. Но наши аргументы он воспринимает как «агитацию за советскую власть». Инструментов, способных заставить не разрушать памятники, до сих пор не было. В комментариях к 243-й статье Уголовного кодекса («О причинении вреда объекту культурного наследия») сказано, если правонарушение совершено по данной статье впервые, то за него полагается условный срок. Штраф за нанесение такого вреда — в Москве он самый высокий — до 1 млн рублей. А по России — 30 тысяч. Эту сумму застройщик просто «закладывает» в бизнес-план. Необходимо переломить ситуацию, поменять тренд, чтобы застройщикам стало невыгодно сносить старые дома хотя бы с точки зрения сохранения своего имиджа. Это первый шаг на пути к сохранению Москвы.
- **Последующие шаги потребуют еще больших затрат.** Конечно, и у нас большая инвестиционная программа. На реставрацию в 2012 году выделили 4 млрд — а было 2 млрд. Мы реставрируем и приводим в порядок центр, и на это накладываются задачи по развитию периферии и созданию новых актуальных социальных пространств. Например, парк Горького. Мы впервые в Москве проводим конкурс «Московская реставрация», на котором будет представлено множество проектов, как завершенных, так и находящихся в стадии реализации.
- **Например?** Провиантские магазины на Зубовском бульваре: год назад был утвержден проект их варварской реконструкции, с перекрытием двора, а сейчас ситуация изменилась в корне. Теперь будет научная реставрация, по проекту Стасова, за счет города. Потом здание будет передано департаменту культуры Москвы, который объявит конкурс на лучшую концепцию развития этого пространства, как это обычно происходит в европей-

ских странах. Научная реставрация будет проведена и в Останкинском дворце — он едва не погиб прошлой зимой, хорошо, что успели провести работы по его консервации.

- **Помимо дворцов есть просто историческая среда, которая почти уничтожена.** Я вам скажу, а вы от этих цифр не упадите со стула: за последние полгода усилиями Мосгорнаследия отменено 200 ранее согласованных инвестиционных контрактов. Вы наверняка помните историю с доходными домами Нирнзее на Садовнической улице — так вот, их оставляют в покое.
- **А торгово-развлекательный центр на Старом Арбате, «за спиной» дома Мельникова — его будут строить?** Этот инвестиционный контракт тоже отменен. А теперь представьте себе за каждым таким контрактом стоит владелец участка, это были сложнейшие переговоры!
- **Но остановить мало, видимо, нужны новые правила игры?** Сегодня нами изменена процедура составления градостроительного регламента. Раньше как было: бенефициар, желавший что-то построить в центре города, шел к эксперту, который разрабатывал ему градостроительный регламент, и заказчик за это платил. А кто платит, тот и заказывает музыку. Так появились в Москве сотни совершенно легальных бетонных монстров в центре. Отныне же градостроительные регламенты будут делаться только за счет города. До 2016 года все градрегламенты в Москве будут разработаны, тем самым будет создана универсальная и беспристрастная система координат для любого потенциального девелопера.

Еще одно важное нововведение: Москва становится достопримечательным местом — сначала в пределах Бульварного, потом Садового кольца, потом в границах Камер-Коллежского вала. Раньше была система несомкнутых охранных зон, а теперь город будет накрыт единым «зонтиком». Дальше будет поквартальная работа и разработка градрегламентов уже непосредственно по каждому дому, чтобы исключить раз и навсегда споры о том, что можно, а что нельзя. За четыре года мы должны это сделать. Результаты вывесим в интернете, и каждый сможет понять весь расклад совершенно просто. Это будет универсальная схема: три зоны — реставрации, регенерации и нового строительства. Причем территория последней зоны составит не больше 1%, и поля для маневра просто не будет. Мы раз и навсегда создадим единые правила игры.

Еще одна победа — новые правила выдачи ГПЗУ (градостроительного плана земельного участка — базового документа, определяющего все возможные параметры для новой стройки). Этот план дает застройщику право делать что-либо на своей земле. Как было раньше: идет инвестор в Москомархитектуры и в зависимости от того, как он там с ними пообщается, так ему и нарисуют ГПЗУ.

Мы инициировали принятие постановления, согласно которому ГПЗУ выдается только по минимальным ранее существовавшим нормативам — то есть по ранее бывшим здесь параметрам по плотности, площади застройки, высотной отметке. Эта норма действует с лета, и она начисто отбивает у застройщиков желание что-либо сносить. Для чего старое здание сносили? Чтобы построить на его месте новое, с большим объемом. Вместо полутора тысяч квадратных метров — восемь. Сейчас это уже невозможно.

- **Еще, говорят, у нас рушат, потому что законы такие?** Надо менять текст закона, мы выходили с инициативами и по 73-му федеральному закону, и по 294-му, запрещающему внеплановые проверки. Например, если нам сообщат, что разрушают особняк Рябушинского, нам надо будет согласовать внеплановую проверку. А тем временем особняк снесут. Если же мы придем, не согласовав проверку, на инспекцию департамента составят заявление в прокуратуру. У нас же подобные работы обычно производятся по выходным, ночью... Закон должен защищать памятники.
- **Что еще было сделано за последнее время?** Внедряем новую схему работы с жилыми домами — памятниками архитектуры. Раньше невозможно было отреставрировать памятник, пока там кто-то живет. Поэтому городские организации обходили такие здания стороной — ни лифты не меняли, ни коммуникации. А сейчас мы придумали выделять субсидии на ремонт напрямую ТСЖ. И уже собственники под надзором специалистов департамента и реставраторов заказывают проект реставрации и т. д. Кроме этого, такая схема позволяет людям чувствовать себя не просто жителями, но гражданами.

Изменена процедура составления градостроительного регламента: теперь за процедуру составления регламента платит не инвестор, а город

Приняты новые правила Градостроительного плана земельного участка: теперь нельзя будет построить на месте здания в 1000 кв. м — 10 тыс. кв. м, а только те же 1000

В принятой программе «Культура Москвы» есть подпрограмма Мосгорнаследия «Государственная охрана, сохранение и популяризация объектов культурного наследия на 2012–2016 годы». Это первый системный концептуальный документ, он получился в том числе после двухмесячного публичного обсуждения

- А новый состав так называемой «комиссии по сносу» — Градостроительной комиссии по сохранению Москвы? Он ведь тоже изменился? Ее действительно так называли: эта комиссия по сохранению почему-то ничего не сохраняла. За шесть лет работы комиссии 3500 зданий были приговорены к сносу. В последние годы в центре сносили в среднем по 200 зданий в год. А в этом году снесли 8, и все это «хвосты» из прошлого, с которыми мы оказались бессильны что-либо сделать, так как по документам у застройщиков все было абсолютно легально: если бы они обратились в суд, то выиграли бы.
- Как, например, дом в Большом Козихинском? Да, его снесли, потому что застройщиков были все легальные документы на руках. Сейчас подобное строительство согласовать не удастся. Раньше эксперты сами заседали в комиссии и принимали решения о сносе за закрытыми дверями. При этом по вечерам они же писали гневные статьи о том, как ужасно, что разрушают старую Москву. А теперь мы включили в комиссию новых людей — Василия Бычкова, Галину Маланичеву, Дмитрия Швидковского, Константина Михайлова из Архнадзора... И сделали процесс принятия решений публичным, открытым. Чтобы о предстоящем сносе узнавали не тогда, когда на стройплощадке уже появился бульдозер.

Усадьба Соймонова на Малой Дмитровке, садовый фасад и интерьер

Усадьба «Останкино», вид с птичьего полета, главный фасад с консервацией

пати́на, или форма времени

эссе (отрывок из неопубликованной книги) **ГЛЕБА СМИРНОВА**,
фотографии **МАРИИ АРЕНДТ**, **ЛЕСИ ЖУРАВИЦКОЙ**

Мария Арендт

Есть люди, спешащие разжаловать Венецию за ее обшарпанность и обветшалость: «Какое тут все старое!» Особенные вызывает нарекания почерневшая облицовка стен; бросаются в глаза какие-то еще неопрятные разводы на штукатурке; колонны некогда белого мрамора потемнели, да так неравномерно. Что за чертовщина? Машин вроде нет, заводов нет, смогу неоткуда взяться, а какая-то копоть будто осела на все кругом.

Так что стряслось? — недоуменно, должно быть, спрашивают себя перед почерневшими портиками Прокураций на площади Святого Марка даже самые закаленные энтузиасты старины: что он, горел, что ли? Город выглядит как после пожара. Или чем-то нарочно испачкан? Чего тогда не помогут? Нет на них Лужкова!

Это, господа радетели архитектурной пристойности, поклонники чистоты и блеска, называется — патина. Интереснейший, загадочный, любопытнейший феномен. Говорят, природного происхождения. Патина проявляется на стенах, ложится на картины, на статуи из известняка, из мрамора, не брезгует и бронзой. Она возникает из самых различных внешних факторов — тут и метеорологические явления, и испарения всех видов, и просто действие воздуха, обычного воздуха, и какие-то еще молекулярные коллизии многовековой жизни города. Наблюдаемая нами игра — прихоть — узор пятен на венецианских фасадах и статуях — не только природный феномен: патина еще рождается из потоков или брызг крови, из любовных флюидов, из брошенного вскользь острого словечка, *flatus voci*. Все, все откладывается, конденсируется, сосредотачивается в тонкий слой патины.

ВЕЛИКИЙ СОЗИДАТЕЛЬ

Послушаем, что говорил Максимилиан Волошин еще в 1908 году: «Архитектура — не человеческое искусство. Пусть художник чертит план. Пусть рабочие складывают камни. Мертвы стены, возведенные ими. Они посеяли только семя храма. Только когда время овеет их крылами столетий, только тогда мертвые камни станут живыми. Надо, чтобы человеческая кровь окропила, молитвы обожгли, дыхание города проникло в эти стены. Архитектура создается не людьми, а временем. Разрушительным время может казаться лишь домовладельцам и реставраторам, для художника же время — великий созидатель».

«Лики Творчества», Ленинград, «Наука», 1989, стр. 418.

Порой случается даже, что в патине — и всё содержание вещи, особенно это касается работ второго-третьего ряда. Патина на стороне самых уязвимых; она пополняет сокровищницу; как говорил Якоб Бёме, опрекрасивает собой слабые вещи. Уже за это ей спасибо: благодаря патине у них появляется характер! Время тут равно патине, оно покрывает бесстыжие яркие краски, набрасывает вуаль сострадания на жалкое творение.

Патина — настоящее богатство: все эти выцветшие пыльные коричневатые стены или почерневший травертин фасада церкви ни за какие деньги не купишь. Она так дорога, что только древние цивилизации могут себе ее позволить.

Итак: не смей трогать патину! Категорически нельзя. Патина — душа старинных городов. Но увы, эта истина не всем очевидна. И вот отцы города с расторопностью офисной таджички-поломойки наводят глупый

фасад
венецианского
кафедрального
собора
св. евангелиста
Марка

>

Лесь Журавичка

старинная
венецианская
кирпичная
кладка,
не тронутая
реставрацией

Мария Арсент

марафет — беззаветно красят богатые временем фасады во что-то нежное, даже розовое.

Они лишают зрителей этого богатства: счищают, ревностно удаляют разводы, затемнения и почернения. Возьмите любой город со старой архитектурой — Рим, Париж, Ахен, — вам напоказ радостно выставят полированную как-бы-древность, словно с этикетками, словно в витрине магазинчика при музее.

Очищенные от времени, дома перестают дышать. Дома лишаются подлинности. Дома становятся похожи друг на друга. А иначе — неровен час, не одобряют главные потребители — заморские гости.

НАБЛЮДЕНИЕ

Между грязью и патиной в мире архитектурном и — шире — физическом такое же различие, как между депрессией и меланхолией в мире психическом

Венеция — прекрасный театр для разыгрывания высококачественной, просветленной грусти, в старину ее называли красивым словом меланхолия. Сейчас меланхолии нет, она оставила мир; всюду вместо нее депрессия, которая есть болезнь, и значит, с нею надо бороться и ей предстоит проиграть: болезнь победить невозможно.

Хотя печаль, ошибочно диагностированная как депрессия, сама по себе целительна, и это знает не только Антонио из шекспировского «Венецианского купца». Печаль позволяет опечалившемуся тяжело и сладко мучиться главными человеческими вопросами: о предназначении, о судьбе и ее превратностях, об иронии, о дряхлении тела и цивилизации, о бессилии и величии, о непрочности жизни, о любви и иллюзиях любви, о смерти и бессмертии.

Венеция — и ей надо сказать спасибо за это! — помогает встретить время. В других городах за временем гоняются, время ощущают как что-то ускользающее, как дефицит, как отсутствие. Так и уходит жизнь — безвременно. Венецианская патина время хранит, в венецианской воде оно растворено и течет вместе с нею. Мы применяем к времени то же существительное, что и к воде: «течение».

В текущих сквозь Венецию — текущих никуда и ниоткуда — водах отражается искусство, вон тот фасад Палладио (с патиной) за окном. Искусство наполняет время, делает его течение осмысленным и нестрашным. У человечества нет другой истории, кроме истории искусств. Правильно говорил Шиллер: *Die Kunst, o Mensch, baßt du allein!* «Искусство — вот все, о человек, чем ты богат!»

Мария Аренат

что делать человеку, если он заметил незаконные, с его точки зрения, работы на памят- нике архитектуры или ином историче- ском здании? сообщить о своих подозрениях по телефону горячей линии*: **+7 (916) 146 53 27**

*горячая линия Мосгорнаследия открыта для сбора информации о случаях, угрожающих историческому облику Москвы. Это позволяет неравнодушным к судьбе города людям принимать участие в борьбе с нарушениями в области сохранения культурного наследия столицы. Информация, получаемая по каналу **горячей линии**, используется в целях незамедлительной проверки объекта недвижимости по указанному в обращении адресу

1

По результатам обращения инспекция Мосгорнаследия в рабочем порядке устанавливает информацию по указанному объекту: статус памятника (является ли он памятником или ценным градоформирующим объектом), насколько санкционировано проведение работ.

2

В случае если есть подозрение, что работы на объекте культурного наследия проводятся незаконно, сотрудники инспекции оперативно выезжают на место для проведения осмотра, установления факта проведения работ и последующего пресечения нарушения.

3

Если по вашему сигналу действительно было установлено правонарушение, информация о действиях департамента культурного наследия города Москвы появится в новостном разделе официального сайта департамента — dkn.mos.ru, а также в новостях ведущих столичных средств массовой информации.